7universum.com
UNIVERSUM:

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

UNIVERSUM: ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Научный журнал

Издается ежемесячно с ноября 2013 года

Является печатной версией сетевого журнала

Universum: филология и искусствоведение

Выпуск: 3(71)

Март 2020

Москва
2020

УДК 008+70/79+80/82
ББК 71+80/85
U55

Главный редактор:

Грудева Елена Валерьевна, д-р филол. наук;

Члены редакционной коллегии:

Бревнова Юлия Александровна, канд. культурологии;

Жукоцкая Зинаида Романовна, д-р культурологии;

Карпенко Виталий Евгеньевич, канд. филос. наук;

Купцова Ирина Александровна, д-р культурологии;

Лебедева Надежда Анатольевна, д-р филос. наук;

Чурилина Любовь Николаевна, д-р филол. наук;

Шаронова Елена Александровна, д-р филол. наук.

U55 Universum: филология и искусствоведение: научный журнал. – № 3(71).
М., Изд. «МЦНО», 2020. – 32 с. – Электрон. версия печ. публ. –
<http://7universum.com/ru/philology/archive/category/3-71>

ISSN : 2311-2859

DOI: 10.32743/UniPhil.2020.71.3

Учредитель и издатель: ООО «МЦНО»

ББК 71+80/85

© ООО «МЦНО», 2020 г.

Содержание	
Филологические науки	4
Литературоведение	4
Журналистика	4
МЕДИАГРАМОТНОСТЬ: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ	4
Шынғысова Назгул Турсынбаевна	
Мусаева Баян Аскаровна	
Языкознание	8
Славянские языки	8
ЭТНОГЕНЕЗ СЛАВЯН В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ	8
(ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ДАННЫМ)	
Тележко Георгий Михайлович	
Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи)	27
ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ЭПОСЕ	27
«ҚЫЗ ПАЛҰАН» (УСЛОВНЫЙ ПЕРЕВОД «МОГУЧАЯ ДЕВА»)	
Кобланова Жибек Кайратовна	
Алламбергенова Гүлжахан Айтбаевна	

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА

МЕДИАГРАМОТНОСТЬ: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

*Шынгысова Назгул Турсынбаевна**д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой ЮНЕСКО,
международной журналистики и медиа в обществе, КазНУ имени Аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы**Мусаева Баян Аскаровна**PhD студент, 2 курс, КазНУ имени Аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы*

MEDIA LITERACY: REVIEW OF LITERATURE

*Nazgul Shyngyssova**Doctor of Philology, Professor, the Head of Chair of UNESCO, International Journalism and Media in Society,
al-Farabi Kazakh National University
Kazakhstan, Almaty**Bayan Mussayeva**PhD student, 2 year, al-Farabi Kazakh National University.
Kazakhstan, Almaty*

АННОТАЦИЯ

Эта статья начинается с анализа того, как медиаграмотность была определена целым рядом участников огромной и постоянно растущей литературы по медиаграмотности. Затем в обзоре раскрывается общая картина, касающаяся мероприятий по медийной грамотности, а также того, как медийная грамотность рассматривается в учреждении общественного образования. Обзор завершается серией рекомендаций по концептуализации, исследованиям и обучению.

ABSTRACT

This article begins with an analysis of how media literacy was defined by a number of participants in the vast and ever-growing literature on media literacy. The review then reveals the overall picture regarding media literacy activities and how media literacy is considered in a public education institution. The review concludes with a series of recommendations on conceptualization, research and training.

Ключевые слова: медиаграмотность, обзор литературы, медиа обучение.

Keywords: media literacy, literature review, media education.

Введение

Тема медийной грамотности привлекла внимание очень широкого круга ученых практически во всех областях науки и даже среди широкой обще-

ственности, особенно среди активистов-потребителей, политиков, педагогов и родителей, обеспокоенных риском нанесения вреда от воздействия СМИ. В академических кругах эта тема вызвала большой интерес у ученых, изучающих СМИ, которые изучают,

как постоянный поток сообщений в СМИ влияет на отдельных людей и общество. Исследователям общественного здравоохранения, которые обеспокоены тем, как средства массовой информации могут повлиять на общественность в отношении рискованного поведения, культурным критикам, которые встревожены силой средств массовой информации и ценностями и педагогам, которые ищут способы помочь каждому новому поколению более успешно справляться с нашим растущим информационным обществом. Эти ученые, педагоги и заинтересованные граждане со всего мира создали огромную литературу по этой теме.

«Медиаграмотность» в качестве ключевого слова в поиске Google дает 8,5 миллионов обращений, а использование этого же ключевого слова в более узком поиске в Google Scholar по-прежнему дает существенную литературу из более чем 1,1 миллиона ссылок [1]. Огромный размер этой быстро растущей литературы, а также широкий круг знаний и интересов

ученых, пишущих о медиаграмотности, усложняют рассмотрение высказанных идей.

Цель исследования заключается в обзорном анализе литературы по медиаграмотности. Данный обзор будет сфокусирован на общих закономерностях в разных источниках литературы.

Метод исследования заключается в обзорном анализе научных статей по теме медиаграмотности. Исследование носит описательный характер и основано на анализе ранее проведенных исследований.

Основная часть

Ученые выдвинули различные концептуализации медиаграмотности и не смогли достичь широкого консенсуса по определению медиаграмотности. Однако они в целом согласны с тем, что медиаграмотность основывается на конкретных знаниях и навыках, которые могут помочь критическому пониманию и использованию средств массовой информации (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Определения медиаграмотности в разных источниках

№	Автор	Определение
1	Д. Адамс и М. Хэмм	«медиаграмотность» может рассматриваться как способность создавать личное значение из визуальных и словесных символов, которые мы каждый день воспринимаем из телевидения, рекламы, кино и цифровых СМИ.
2	Дж. Андерсон	Умелый сбор, интерпретация, тестирование и применение информации независимо от среды или представления для какого-либо целенаправленного действия.
3	Д. Бартон и М. Гамильтон	Определяют медиаграмотность как в первую очередь то, что люди делают; это деятельность, расположенная в пространстве между мыслью и текстом. Медиаграмотность не просто находится в головах людей как набор навыков, которые нужно изучать, и она не просто находится на бумаге, записанной как тексты для анализа. Как и вся человеческая деятельность, медиаграмотность по сути является социальной необходимостью.
4	Р. Хоббс	Медиаграмотность - это способность получать, анализировать, оценивать и передавать сообщения в различных формах. Хоббс говорит, что это определение предлагает следующие характеристики: обучение на основе запросов, обучение, ориентированное на учащихся, решение проблем в совместных командах, альтернативы стандартизированному тестированию и интегрированный учебный план. Способность получать, анализировать, оценивать и передавать сообщения в различных формах.
5	Д. Шолле и С. Денски	Утверждают, что медиаграмотность должна быть концептуализирована в рамках критической педагогики и, таким образом, она должна восприниматься как политическая, социальная и культурная практика.
6	А. Сиверблатт и Э. Элисейри	Определяют медиаграмотность как навык критического мышления, который позволяет аудитории расшифровывать информацию, которую они получают по каналам массовой коммуникации, и дает им возможность выработать независимые суждения о медиаконтенте.

Интересно отметить, что эти определения в значительной степени дополняют друг друга, то есть они различаются, главным образом, тем, что они подчеркивают, и тем, сколько деталей они предоставляют. Р. Хоббс, Д. Адамс и М. Хэмм утверждают, что медиаграмотность следует рассматривать в первую очередь как критически важную культурную проблему, как набор педагогических инструментов для учителей школы или как тема научных исследований из физиологической, когнитивной или антропологической области (Хоббс; 2007, Адамс и Хэмм; 2015).

Важным элементом также является, о каких видах СМИ идет речь. Некоторые ученые сосредотачиваются только на одном из видов СМИ. Например, на телевидении или интернет СМИ, некоторые на печатном или графическом, в то время как другие исследуют все формы обмена информацией. Некоторые ученые рассматривают медиаграмотность в первую очередь как печатную, телевидение, визуальные медиа неподвижных и движущихся изображений, цифровые медиа и все технологии, обеспечивающие пе-

редачу информации. В последнее десятилетие конвергенция во всех средствах массовой информации сделала различия между средствами массовой информации относительно несущественными по сравнению со сходством. Поэтому растет понимание того, что медиаграмотность должна быть связана со всеми формами медиа.

Некоторые рассматривают медиаграмотность в первую очередь с точки зрения повышения квалификации (Шолле и Денски; 2017). Другие ученые сосредоточены на создании знаний (Сильверблатт, Элисейри; 2015). Тем не менее, другие ученые рассматривают медиаграмотность как деятельность или как политическую, социальную и культурную практику. Когда ученые говорят о медиаграмотности как о навыке, они обычно называют ее критическим мышлением, хотя этот термин, кажется, используется в качестве общей идеи для неопределенного скопления психических процессов, с помощью которых люди оспаривать сообщения в СМИ.

В ходе проведения контент анализа научной литературы мы выявили, что большая часть литературы для средств массовой информации посвящена важности вмешательств, то есть конкретных стратегий, призванных помочь людям, особенно детям, защитить себя от потенциально вредного воздействия от воздействия средств массовой информации. Рассмотрим, что представляет собой вмешательство в медиаграмотность, после чего следует обзор литературы о естественных вмешательствах, которые были разработаны родителями в их повседневной жизни, и составлены вмешательства, которые были разработаны экспертами и формально проверены на эффективность.

Исследования в литературе по вмешательству в медиаграмотность имеют много общего. Три из этих общих черт - предположения, которые широко распространены в литературе по медийной грамотности.

Первое предположение заключается в том, что средства массовой информации постоянно оказывают все виды прямого и косвенного влияния на отдельных людей и общество. Эти влияния могут медленно вызывать эффекты когнитивного, аффективного, физиологического и поведенческого воздействия во время сообщения СМИ и постепенно накапливаться со временем путем формирования и укрепления структур знаний, убеждений и привычек.

Второе предположение состоит в том, что многие из этих естественных эффектов являются отрицательными, то есть вредными для отдельных лиц или, по крайней мере, бесполезными для человека в позитивном или конструктивном ключе.

В-третьих, предполагается, что можно создать вмешательства, которые помогут людям избежать этих негативных последствий в своей повседневной жизни.

Основываясь на этих предположениях, цель мероприятий по медиаграмотности состоит в том, чтобы нацелиться на потенциальный негативный эффект со стороны средств массовой информации и либо привить людей от такого эффекта, либо противостоять уже существующему негативному эффекту.

Таким образом, вмешательства предназначены для предотвращения или устранения естественного негативного эффекта, который полностью или частично является результатом воздействия сообщений от средств массовой информации.

Исследования по литературе, посвященной влиянию медийной грамотности, демонстрируют четыре характеристики дизайна. У них есть четко идентифицированный агент, цель, лечение и ожидаемый результат (Поттер, Бирн; 2017). Согласно авторам, агент - это человек или средство доставки. Обычно это исследователь, учитель или родитель, но мероприятия по медийной грамотности также осуществляются посредством сообщений в СМИ. Цель - человек, получающий вмешательство в медиаграмотность. Наиболее распространенными целями исследований медиаграмотности являются дети, но некоторые ученые утверждают, что необходимо ориентироваться на особые группы взрослых, такие как родители, учителя и врачи (Рич, Барон; 2018). Лечение - это содержание и дизайн вмешательства. Например, некоторые ученые и практики фокусируются на обучении участников навыкам медиа-производства (Банерджи, Грин; 2017), в то время как другие пытаются создать набор критических навыков просмотра, которые могут изменить взгляд зрителя во время экспозиции. Наконец, ожидаемый результат - это некоторый аспект цели, который должен измениться в результате вмешательства. Мероприятия по медийной грамотности пытались изменить отношение, эмоции, поведение и познания человека, которые возникают в результате воздействия средств массовой информации.

Результаты и заключение

Очень обширная литература по медиаграмотности отображает самые разные идеи. Хотя оно богато креативностью, оно плохо организовано. Ученые предложили широкий спектр идей о том, как определить медиаграмотность, как ее изучать и как инструкторы могут повысить уровень медиаграмотности у своих учеников. Но было мало работы по определению, какие определения являются наиболее полезными, или по определению, какие вмешательства могут быть наиболее успешными для повышения уровня медиаграмотности людей. Поэтому важно, чтобы ученые добились прогресса в трех областях: концептуализация, исследования и обучение.

1. Концептуальный. Нужно больше обобщать идеи о медиаграмотности, чтобы двигаться к более сложной и полезной определению, которое может направлять мышление, исследования и обучение. Должен быть достаточно широким, чтобы рассматривать все средства массовой информации, а не только телевидение. Необходимо учитывать не только навыки и не только знания, но и то, и другое, и как они работают. Необходимо иметь достаточно деталей, чтобы быть полезными для исследователей, планирующих исследования и инструкторы по разработке уроков.

2. Исследование. Нужны более тщательно разработанные прикладные исследования, которые оцени-

вают ценность вмешательств. Более сильная концептуальная основа и больше мета-анализа результатов. Нужно больше обобщать основные результаты исследований инструкции и больше переводить результаты исследований в практические руководства для инструкторов медиаграмотности.

Можно утверждать, что наиболее цитируемым определением медиаграмотности является «способность получать, анализировать, оценивать и передавать сообщения в различных формах», которое было разработано участниками Национальной конференции лидеров по медиаграмотности в 1992 году, но даже это определение цитируется лишь в крошечной части литературы по медийной грамотности. Кроме того, это определение ограничивается навыками и игнорирует знания в качестве основы для литературы по СМИ.

Таким образом, исходным местом для рекомендаций является сортировка всех определений для выявления наиболее полезных элементов и их объединение в широкое определение, которое также достаточно подробное для руководства исследователей и

преподавателей. Такое определение должно учитывать, как навыки, так и знания, а также то, как они работают вместе. Определение должно быть достаточно широким, чтобы его можно было применять ко всем средствам массовой информации и всем культурам, а также достаточно подробным, чтобы быть полезным для исследователей и преподавателей.

Подводя итоги исследования можно сказать, что научный синтез в рамках этих исследований поможет начать создавать наборы практических руководств, которые будут очень полезны для преподавателей. Согласно многим авторам необходимо больше трансляции результатов исследований в практические руководства для преподавателей медиаграмотности. Результаты отдельных исследований часто слишком сомнительны, слишком сложны и слишком обширны, чтобы быть полезными для разработчиков учебных уроков. Анализ литературы показал, что есть необходимость в тщательном изучении закономерности в большом количестве научных исследований, чтобы преодолеть двусмысленность и определить надежные результаты.

Список литературы:

1. А. Сильверблатт, Э. Элисейри. 2015. Словарь медиаграмотности. Вестпорт, Коннектикут: Гринвуд Пресс.
2. Д. Адамс, М. Хэм. Грамотность в эпоху мультимедиа. Норвуд, Массачусетс: Издательство Кристофер-Гордон, 2 (11), 2015. – с.132
3. Д. Бартон, М. Гамильтон. Местные грамотности: чтение и письмо в одном сообществе. Лондон: Издательство Routledge, 6 (2), 2013. – с.134
4. Д. Шолле, С. Денски. Критическая медиаграмотность: чтение, переопределение, переписывание». Нью-Йорк: Издательство Питер Лэнг, 4(13), 2017 стр. 7–31
5. Дж. Андерсон. Телевизионная грамотность и критический зритель. Нью-Йорк: Академическая пресса, 3 (12), 2017. - с.67
6. Рич Майкл, Мириам Барон. Здоровье детей в век информации: медиаобразование педиатров. Пособия «Педиатрия», №107, 2018. – стр. 156–62.
7. С. Банерджи, К. Грин. Анализ в сравнении с производством: Когнитивная и ориентационная реакция подростков на медиа вмешательства. Журнал сообщений №56, 2017. – стр. 73–94
8. У. Поттер, С. Бирн. Каковы эффекты медийной грамотности? В 20 вопросах о молодежи и СМИ, под редакцией Шарон Р. Маццарелла. Нью-Йорк: Питер Лэнг, 2017. – стр. 9
9. Хоббс, Рене. 2007. Чтение СМИ: медиаграмотность в старшей школе. Нью-Йорк: издательство Teachers College Press

ЯЗЫКОЗНАНИЕ**СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ****ЭТНОГЕНЕЗ СЛАВЯН В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ
(ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ДАННЫМ)****Тележко Георгий Михайлович**

канд. техн. наук, индивидуальный предприниматель,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: yurate@bk.ru

**ETHNOGENESIS OF SLAVS IN EASTERN MEDITERRANEAN
(ACCORDING TO LINGUISTIC EVIDENCE)****George Telezhko**

Candidate of Engineering Sciences, self-employed,
Russia, Saint Petersburg

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме лингвистического этногенеза славян, т. е. проблеме реконструирования этнической истории предков славян с помощью лингвистических данных, поскольку на сегодняшний день нет общепринятой точки зрения относительно времени формирования праславянского языка и территории, на которой формировался праславянский язык.

Показано, что: следы заимствований из праславянского лексикона в языки этносов, обосновавшихся в Восточном Средиземноморье; исконные славянские термины металлургии и названия металлов, добывавшихся в древности на Балканах, островах Средиземного моря и в Анатолии; исконные славянские названия древних сельскохозяйственных культур Ближнего Востока и финно-угорские заимствования названий рыб в славянские языки – свидетельствуют в пользу миграций предков славян в области их современного расселения на севере Европы из Восточного Средиземноморья.

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of linguistic ethnogenesis of Slavs, i.e. the problem of reconstructing the ethnic history of Slav ancestors using linguistic data, as today there is no conventional view regarding time formation of the Proto-Slavic language and the territory on which the Proto-Slavic language was formed.

It is shown that: traces of borrowings from the Proto-Slavic lexicon to the languages of ethnic groups settled in the Eastern Mediterranean; the original Slavic terms of metallurgy and the names of metals mined in antiquity in the Balkans, islands of the Mediterranean and in Anatolia; the original Slavic names of the ancient cultivated plants of the Near East and Fenno-Ugric borrowings of fish names into Slavic languages – testify in favor of migrations of the ancestors of Slavs in the area of their modern settlement in the Northern Europe from the Eastern Mediterranean.

Ключевые слова: этногенез, славяне, балты, германцы, прародина, промышленная терминология, медь, свинец, серебро, бронза, культурные растения, этимология, исконная лексика, заимствованная лексика.

Keywords: ethnogenesis, Slavs, Balts, Germans, ancestral home, industrial terminology, copper, lead, silver, bronze, cultivated plants, etymology, ancestral vocabulary, borrowed vocabulary.

**ОПИСАНИЕ ПРОБЛЕМЫ, ПОСТАНОВКА
ЗАДАЧИ И МЕТОДИКА ЕЁ РЕШЕНИЯ**

Несмотря на множество статей и монографий (достаточно сослаться на практически исчерпывающий обзор, выполненный некогда В. В. Седовым [13,

с. 7 - 48]) о лингвистическом этногенезе славян, то есть об истории развития языковой общности, имеваемой в настоящее время славянской группой языков, и по сей день нет общепринятой точки зрения ни

относительно датировок «выделения» праславянского языка (или праславянских диалектов) из индоевропейского праязыка, ни относительно территории, на которой праславянский язык формировался («славянской прародины»).

Большинство попыток решения проблемы лингвистического этногенеза славян, или, по определению О. Н. Трубачёва, «проблемы реконструирования этнической истории, древней культуры предков славян с помощью реконструкции языковой» [32, с. 10)], можно объединить в три группы. Это восточноевропейская, висло-одерская и дунайская теории. Доводом в пользу каждой из теорий является наличие славян на любой из территорий: Восточная Европа, междуречье Вислы и Одры и Подунавье.

Архаичность славянских языков [14, с. 76, со ссылкой на А. Мейе] – говорит об относительной изоляции носителей праславянских диалектов от носителей других диалектов индоевропейского (ИЕ) языка ко времени распада последнего и, возможно, в течение долгого времени после. Хотя относительно ИЕ прародины согласия тоже нет, все три названные выше территории в какой-то степени удовлетворяют условию относительной изоляции праславян от прочих индоевропейцев, будь они в Анатолии, в Северном Причерноморье или на севере Индии. А вот вопрос, жили ли предки славян на тех же территориях, что и в наши дни, вызывает разногласия.

Говоря о предках славян, имеет смысл с самого начала пояснить, имеем ли мы в виду носителей праславянского диалекта ИЕ языка или мы имеем в виду носителей группы диалектов, из которых со временем образовался праславянский язык. О. Н. Трубачёв уверенно отстаивает второй вариант:

«С разных сторон указывают на то, что язык есть интеграция, что славянский языковой тип – результат консолидации, что уместно говорить о многокомпонентности каждого языка, наконец, доступные письменные свидетельства о древних эпохах прямо показывают, что чем дальше в глубь веков, тем языков было больше, а не меньше. В духе понимания этих или подобных фактов в современной литературе по истории русского и славянских языков можно чаще встретить выражение вроде «славянское этноязыковое объединение...» [31, с. 16].

...«весь праиндоевропейский лексический фонд не мог возникнуть в одном и том же месте в одно и то же время» (В. Пизани). Важный, как кажется, вывод отсюда – это то, что, скажем, праславянский словарный состав в силу своей естественной полидиалектности не мог и не должен был быть достоянием одного (индивидуального) праславянского языкового сознания. Надо исходить из собирательного характера носителя праиндоевропейского, праславянского, как, впрочем, и любого другого лексического фонда» [31, с. 94].

Точка зрения О. Н. Трубачёва на этногенез как процесс динамического сложения разных культурных и языковых факторов кажется аксиоматичной. Трудно себе представить противное: что люди на некоторой территории вдруг заговорили на одном

языке или всегда и неизменно говорили на языке первого заговорившего на нём, да так, что его язык не испытал в дальнейшем никаких влияний со стороны новых собеседников или языков соседей.

Целью данной статьи является попытка анализа языковых данных, которая позволила бы уменьшить неопределённость представлений о территории, на которой формировался праславянский язык.

Приближение к ответу на вопрос: где формировался праславянский язык – следует начать с уточнения критериев такой территории.

Главным критерием консолидации диалектов в некий общий *lingua franca* следует, вероятно, считать объективную необходимость такой консолидации. Территория хождения такого языка должна быть либо зоной масштабного производственного процесса, охватывающего несколько этнических групп, либо зоной влияния группы, опережающей в технологическом отношении своих соседей. В этом *lingua franca* должны оставаться следы терминологии, связанной с этим производством, или названия артефактов ведущей этнической группы.

Если носители этого *lingua franca* с течением времени не покидали этой территории, то в языках-потомках вероятно наличие общей ландшафтной лексики, включая топонимы, общих названий местных животных (включая рыб, насекомых и т.д.) и растений, включая культурные.

Если по каким-то причинам носители языка-предка были вынуждены покинуть прародину, то исследование, естественно, несколько усложнится. Но и в этом случае можно надеяться на установление факта миграции, а то и на нахождение исходного её пункта.

Во-первых, в результате миграции среди погодных и ландшафтных терминов, среди названий местных животных, растений и т. п. могут обнаружиться заимствования, источниками которых являются лексемы, исконные для языков соседей. Это может говорить о прибытии изучаемой этнической группы из области, в которой объекты и явления с заимствованными названиями не известны.

Аналогично, в языках этнических групп, сменивших изучаемую группу в исходном пункте её миграции, можно искать заимствованные из *lingua franca* топонимы, технические и хозяйственные термины, названия представителей экзотической флоры и фауны, не известных пришельцам, и т. д., и т. п.

В-третьих, в силу непрерывности истории этноса, исконная ремесленная, бытовая, хозяйственная и социальная лексика также может говорить о более ранних местах его обитания. В языке покинувших прародину мигрантов могли сохраниться названия артефактов, которые были увезены на новые места обитания. Это, прежде всего, касается исконных названий древних сельскохозяйственных культур и исконных названий древних металлов. Преемственность такой лексики параллельна одному из известных в археологии критериев миграции: преемственности самих артефактов в конечном пункте предполагаемой миграции по отношению к её начальному пункту – и она эвристически полезна, поскольку

очаги распространения сельскохозяйственных культур и древние металлургические провинции хорошо исследованы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обзор наиболее популярных теорий славянской прародины

Анализ начнём с рассмотрения доводов *pro et contra* наиболее популярных теорий славянской прародины: Восточно-Европейской, Висло-Одерской и Дунайской.

Восточно-Европейская прародина

Краткое ознакомление с основами этой теории неизбежно приводит к впечатлению об остаточном принципе, то есть в её рамках, прежде всего, рассматриваются признаки отсутствия славян в местах расселения древних племён. Поскольку таких признаков нет только в Восточной Европе, то она и назначается на роль прародины славян.

Во-первых, классические авторы ничего не писали о славянах до 6 в. н.э., проявляя при этом живой интерес к кельтам и германцам, обитавшим по соседству в Центральной и Северной Европе. Это принято объяснять тем, что праславяне не были знакомы римлянам вплоть до завершения Великого переселения народов, а значит, жили вне сферы влияния Римской Империи [44, с. 60, 61].

Это как будто подтверждается данными о работе Янтарного пути в римское время. Это был хорошо отлаженный канал поставки янтаря с Балтийского побережья через территории нынешних Польши и Силезии, через восточные Альпы в римский порт Аквилею. Римляне были в длительном контакте с народами вдоль этого пути, и считается, что это были германцы, поскольку, по свидетельству Тацита, римляне именно у германцев заимствовали названия янтаря *glesum* [46, гл. 45] / *glaesum* [1].

Действительно, Тацит ничего не писал о славянах в этом контексте, он писал только о свебах (Suebi) и эстиях (Aestiorum). Доводом против обитания славян в зоне Янтарного пути считают и отсутствие у славян собственного названия янтаря: русские заимствовали название *янтарь* из лит. *gintāras* 'янтарь', с дальнейшим заимствованием из рус. в другие слав.: чеш. *jantar*, сербохорв. *jāntār*, словен. *jāntar* – поляки – из немецкого (*bursztyn* < *Bernstein*), сербы и болгары – из турецкого (*Ћилибар*, *кехлибар* < *kehribar*) [44, с. 60].

Свидетельства, основанные на анализе названий деревьев, скорее всего, отодвигают прародину славян ещё дальше к востоку: считается, что в праславянском не было названий бука, лиственницы, пихты и тиса [35, с. 143], а это в разное время означало бы отсутствие праславян к западу от линии Калининград – Одесса, в крайнем случае – к западу от Эльбы (Ю. Ростафинский в своих построениях недоучел климатические изменения, что особенно касается бука, восточная граница распространения которого в конце бронзового и начале железного века в условиях суббореального климата была иной, чем в настоящее время: бук не был известен восточнее Эльбы-Заале [13, с. 37]). Кроме того, наличие заимствованных названий в каком-либо языке не означает незнания

носителями этого языка называемых объектов или явлений, что убедительно показал Витольд Манчак на примерах названий деревьев во французском языке и названий видов мяса в английском [43, с. 142].

В праславянском не находят морских терминов, а это не позволяет разместить прародину славян на каком-либо морском побережье. В частности, слав. термины для понятия 'остров' имеют смысл 'обтекаемый' (рус. *остров*, хорв. *òtok*), что сторонники теории считают доказательством знакомства славян исключительно с речными островами [35, с. 118].

Пожалуй, единственное позитивное утверждение было сформулировано А. Л. Погодиным. На основании анализа праславянского лексического фонда он описал прародину славян как земли с обилием болот и рек, сочетающие равнинные и холмистые местности с умеренным климатом (но это описание не позволяет, взятое в отдельности, локализовать славянскую прародину: таких ландшафтных зон в Европе много).

Ф. П. Филин добавляет: «...отсутствие общеславянских наименований специфических особенностей гор, степей и моря – все это дает однозначные материалы для определенного вывода о прародине славян... Прародина славян, по крайней мере в последние столетия их истории как единой исторической единицы, находилась в стороне от морей, гор и степей, в лесной полосе умеренной зоны, богатой озерами и болотами... Однако наше предположение пока что достаточно неопределенно... Области умеренной зоны с озерами и болотами располагались на обширном пространстве от среднего течения Эльбы и Одера на западе до Десны на востоке. Такой обширной славянская прародина не могла быть, по крайней мере на ранних ступенях развития общеславянского языка, поскольку выделение этого языка из состава других индоевропейских диалектов и его развития как единой стройной системы предполагает тесное и постоянное общение его творцов и носителей в течение длительного времени» [35, с. 122-123].

Припятско-среднеднепровскую прародину славян попытался обосновать и известный филолог-славист М. Фасмер на основе анализа лингвистических и топонимических данных. Языковые материалы дали основания говорить, что ближайшими соседями праславян были балты и иранцы, причем эти этносы были разделены славянской территорией, а балты, в свою очередь, разграничивали славян с финнов. Древние языковые контакты славян с германцами и кельтами при этом отрицались.

Анализ водных названий западноевропейских земель выявил древние ареалы кельтов, германцев, иллирийцев и фракийцев, после чего славянам не осталось здесь места. Все это, по мнению М. Фасмера, указывает на локализацию славянской прародины в бассейнах Припяти и среднего течения Днепра, где выявляется несколько десятков рек со славянскими названиями. Исследователь полагал, что на этой территории славянский язык выделился из балто-славянского и начал самостоятельное развитие. Обще-

славянский период определялся М. Фасмером периодом между 400 г. до н.э. и 400 г. н.э., а балто-славянское единство относилось к предшествующему времени [13, с. 42 – 43].

Ещё раз обратим внимание на то, что определение прародины славян в восточно-европейской теории имеет чисто негативную природу [44, с. 59 – 63]:

- она *не* могла находиться в пределах влияния Римской империи;
- она *не* могла находиться к западу от линии Калининград – Одесса и в окрестностях Янтарного пути;
- она *не* могла находиться вблизи морей, в частности, Балтийского моря;
- она *не* могла находиться рядом с горами и в степи.

Эта негативность в определении славянской прародины в Восточной Европе является потенциальной слабостью восточно-европейской теории: достаточно найти хотя бы одно доказательство существования предков славян на иной территории или в иной ландшафтной зоне, как эта теория рухнет.

Слабой стороной апелляции к отсутствию в праславянском языке общих специфических терминов мореплавания, названий деревьев и т. п. является некритически принимаемая установка на компактность праславянской территории и первоначальную бездиалектность праславянского языка. Вспоминаем слова О. Н. Трубачёва: «...славянский языковой тип – результат консолидации, ... многокомпонентности ...» [31, с. 16]. В разных диалектах праславянского вполне могли возникать разные, в частности, синонимичные названия (как в примере с рус. *остров* и хорв. *òtok*). Кроме того, острова обтекаются течениями не только в реках, но и в морях.

Ю. Удольф на основании исследования славянских названий рек, ручьёв, болот и т. п. определил прародину славян на небольшой территории ~300 * 100 км у северо-восточных подножий Карпат. Этот выбор он объяснял а) максимальным количеством местной апеллятивной лексики, представленной во всех ветвях праславянского, и б) сосредоточением на этой территории славянских гидронимов, произведённых из южно-славянских апеллятивов (имея в виду последующую миграцию славян на Балканы) [44, с. 61 - 62].

Однако «кучность однородных славянских названий характеризует зоны экспансии, колонизованные районы, а отнюдь не очаг возникновения, который по самой логике должен давать неяркую, смазанную картину, а не вспышку» [31, с. 18]. В пользу этого утверждения говорит и факт непригодности этого участка для жизни из-за густых лесов и бедной почвы, сюда разве что можно было переселиться в результате бегства с какой-то другой территории, например, из-за демографических проблем. Наличие же концентрации славянских гидронимов естественно объясняется большим количеством рек, ручьёв и т. п. в предгорьях [41, с. 262].

Археологическое обоснование восточно-европейской прародины славян наталкивается на извест-

ные трудности, связанные с разрывом преемственности культур на территории таким образом определённой прародины [40].

Кроме того, археологи, например, на основании данных о влиянии позднезарубинецких, черняховских и собственно славянских древностей VI-VII вв., говорят «о заселении Северо-Восточных Карпат на протяжении I тыс. н. э. выходцами из восточнославянских земель», что свидетельствует против теории Удольфа о приоритете Предкарпатья [33, с. 12].

Висло-Одерская прародина

Эту концепцию часто называют автохтонной, что подразумевает пребывание предков славян на ныне занимаемых ими территориях на севере Европы, по крайней мере, с II тысячелетия до н. э., то есть, в основном, на территории современной Польши между Вислой и Одером (напр., [43, с. 139 – 140]).

Предкам славян приписывают в этой теории Лужицкую археологическую культуру (напр., [45, с. 1 – 2]).

В. В. Седов считал культуру подклошых погребений (часть Поморской культуры) славянской, участвовавшей в формировании восточного варианта Пшеворской культуры. Позже их сочли памятниками германской Вельбаркской культуры времени предполагаемой миграции готов к Чёрному морю [40, с. 116].

По М. Б. Шукину, Б. А. Рыбаков утверждал славянское единство культур от Одера до Днепра: тшинецко-комаровское – эпохи бронзы, лужицко-скифское – эпохи железа, пшеворско-зарубинецкое – эпохи Латена и рубежа эр, пшеворско-черняховское – римского времени.

Однако славянской атрибуции культур, возникших после или в результате распада Лужицкой культуры, препятствует принимаемая также из соображений автохтонности германская атрибуция Ясторфской культуры. Речь о славянской атрибуции Пшеворской и последующих более восточных Зарубинецкой и Поянешть-Лукашевской культур, испытавших влияние Ясторфской культуры и губинской группы со следами Ясторфской и Поморской культур.

М. Б. Шукин указывает, чем эти новые культуры близки культурам среднеевропейским: они «мисочные», у них разнообразная керамика, обилие фибул, большие могильники с трупосожжениями [40, с. 114] – в отличие от более поздних достоверно славянских «горшечных» культур VI – VII вв. с кратковременными поселениями и могильниками (но отметим: тоже с кремациями [40, с. 113]). Трудно представить, что к VI в. пшеворское славянское население полностью потеряло свои культурные навыки.

Таким образом, в основе доводов против Висло-Одерской теории славянской прародины лежат германская атрибуция Ясторфской культуры и отсутствие археологической преемственности между среднеевропейскими культурами и достоверно славянскими культурами.

В Висло-Одерской теории также «получается, что в течение почти 600 лет, со II в. до н.э. и до конца

IV в. н.э., в рамках пшеворской и черняховской культур, славяне жили в непосредственном соседстве и совместно с германцами, вандалами или лугийями пшеворской культуры, готами и другими германскими племенами, представленными черняховской культурой, а наличие в составе последней определенного вельбаркского и, более широко, североευропейского вклада (длинные дома, костяные и железные гребни, некоторые формы керамики и пр.) отрицать не приходится. Это длительное совместное проживание должно было бы сказаться и на славянских языках, чего мы не наблюдаем» [40, с. 117].

Против Висло-Одерской теории, таким образом, говорит и отсутствие в славянских языках заметных следов совместного проживания славян с германцами.

Отметим как важное обстоятельство, что, как и в Ясторфской и Поморской культурах, в Вельбаркской культуре также был принят обряд кремации [40, с. 114 – 116], а в Черняховской, более южной культуре, сложилась биритуальность [40, с. 111]. М. Б. Щукин пишет: «И пшеворская, и зарубинецкая, и черняховская культуры действительно сходны по своей структуре: во всех большие могильники, «поля погребений», захоронения с разнообразным и многочисленным инвентарем, много фибул, обилие лощеной и лощено-хроповатой керамики. Все эти культуры «фибульные», «мисочные», они и в самом деле составляют единый «культурный мир». Только Одер никак не является его западной границей. За ним находится ясторфская культура Германии, тоже относящаяся к этому «миру». И различия памятников пшеворской культуры с расположенными западнее даже менее заметны, чем с зарубинецкими и черняховскими. Исходя только из сходства культур, славян пришлось бы «расселить» вплоть до Рейна и Южной Скандинавии» [40, с. 114].

При этом пришлось бы отказаться от германской атрибуции Ясторфской культуры, что выглядело слишком смелым предположением.

Дунайская теория и попытка синтеза теорий

Дунайская теория утверждает, что славяне издревле были жителями Балканского полуострова и лишь под давлением вновь приходящих на Балканы народов вынуждены были расселяться в северном и северо-восточном направлениях.

Обратимся вновь к обзору В. В. Седова [13]. Согласно Р. С. Каульфусу, названия многих рек этого ареала, в том числе Истра, имеют славянское происхождение. Немецкий исследователь Л. Концен пытался показать, что древних славян вытеснили из дунайских земель кельты. Остатком древнего славянского массива, по его мнению, были венеты, жившие на северном побережье Адриатики.

О том, что славяне в Иллирии и Фракии были древним и автохтонным населением, писали И. Г. Куно, Гелльвальд, И. К. Сакцинский, Д. Терстеняк, Ф. Сасинек и другие. Обосновывалось это, в основном, топонимическими соображениями.

В. И. Григорович отводил славянам территорию между Балтийским и Адриатическим морями, в неко-

тором смысле примиряя Висло-Одерскую и Балканскую прародину. С вторжением кельтов в Иллирию и Паннонию (это были волохи Нестора) проживавшая здесь часть славян в последние века I тыс. до н.э. покинула Подунавье. В результате славяне продвинулись в северо-восточном направлении до озера Ильмень. В течение длительного времени кельты были западными и южными соседями славян: исследователь перечисляет ряд слов, по его мнению, заимствованных славянами от кельтов. Уже до нашей эры славяне соприкасались также и с германцами: в готской лексике есть славянские заимствования. В. И. Григорович полагал, что древним самоназванием славян было «сербы», а в письменных источниках они упоминаются под разными иными этнонимами – «будины», «невры», «венеды» и др.

Л. Нидерле возражал против основанной на русской летописи дунайской (или балканской) теории происхождения славян, но также допускал, что древними славянами были невры, будины и, кроме того, скифы-пахари Геродота.

Аналогично относил эти группы племён к славянам и П. И. Шафарик. Исследователь анализировал греческие, латинские, византийские, арабские, немецкие и славянские памятники письменности, а также доступные ему лингвистические и этнографические данные.

П. И. Шафарик утверждал, что начало славян следует искать в Европе, они развивались где-то по соседству с родственными индоевропейскими племенами кельтов, германцев, литовцев и фракийцев. Уже в глубокой древности славяне, по П. И. Шафарика, занимали обширные пространства Средней и Восточной Европы. Описанные Геродотом будины, невры и борисфены (так исследователь называл скифов-земледельцев и скифов-пахарей) были юго-восточной ветвью славян. В IV в. до н.э. под натиском кельтов славянское население Паннонии и Иллирика вынуждено было переселиться к своим родичам за Карпаты. По мнению П. И. Шафарика, это событие и получило отражение в летописи Нестора. Но и после этого славянский ареал оставался весьма обширным – от Одера до Днепра и от Карпат до побережья Балтики и озера Ильмень.

Однако нам и в этом случае придётся как-то объяснить отсутствие заметных следов совместного проживания славян и германцев в славянских языках, на что обратил внимание М. Б. Щукин.

На какой же теории, в конечном счёте, следует остановиться?

Одна из попыток правдоподобного синтеза теорий славянской прародину, казалось бы, взаимоисключающих друг друга, была сделана О. Н. Трубачёвым. Он на примере истории венгерского этноса убедительно показал, что прародин у этноса может быть больше одной. В случае венгров это: приуральская прародина, где они выделялись из угорской ветви, северокавказская, где они были в длительном контакте с тюрками-булгарами, далее – южноукраинская, где начался их симбиоз с аланами, и, наконец, последняя – дунайская [32, с. 14].

Таким образом, современная Висло-Одерская концепция, по Трубачёву, скорее всего, описывает не изначальную прародину славян, а их раннюю северную миграцию [32, с. 132 – 133]. Развивая мысль учёного далее, можно сказать, что восточноевропейская теория описывает последующую миграцию из Висло-Одерского региона на восток, где прародину находят сторонники восточноевропейской теории.

Это позволяет считать все вышеупомянутые теории верными в том смысле, что они описывают не собственно изначальную прародину славянского этноса, а последовательно «занимаемые» им прародины, то есть исторические этапы его развития в разные времена, в разных местах и при разных условиях. Такой синтетический подход позволяет, например, объяснить отсутствие в славянском лексиконе развитой терминологии, касающейся моря и гор: подобная лексика вымывается из языка за несколько поколений за явной не востребоваемостью в равнинно-болотно-озёрном ландшафте Восточной Европы, где письменная история впервые фиксирует обитание славян.

Перейдём к проверке гипотезы о древних миграциях предков славян из Подунавья.

Терминология консолидирующего производственного процесса

Исконность славянских терминов металлургии

Фактором, который мог бы консолидировать локальные диалекты, может быть, как известно, развитая кооперация, промышленная или торговая. Примерами крупномасштабных производств являются горнорудное дело и металлургия. Поэтому одним из критериев проверки гипотезы о дунайской прародине как области формирования протославянского языка может быть наличие в нём древних исконных терминов металлургии этого региона.

Анализ материалов, найденных при раскопках на рудниках Рудна Глава (на территории современной Сербии) и Ай-Бунар (на территории современной Болгарии), показал, что уже в V – IV тысячелетиях до н.э. на Балканах был свой источник меди.

В IV тысячелетии до н.э. интенсивно работала Балкано-Карпатская металлургическая провинция, в которой сложилось своеобразное разделение труда: медь выплавлялась и медные изделия производились вдали от рудников, где добывалась медная руда. Более поздние бронзовые изделия производились из медных руд, добытых в Карпатах, на Балканах и в Альпах, то есть тоже в непосредственной близости к предполагаемой прародине славян.

С III тысячелетия до н.э. на Балканах работали Лаврионские рудники, в которых добывались медь, свинец и серебро. Названия меди и свинца у славян исконны, названия серебра имеют общее происхождение у балтов, германцев и славян.

Древний центр добычи золота в Трансильвании, вероятно, произвёл родственные названия золота во фракийском языке, в германских, в славянских и диалектно – в латышском [31, с. 121 – 122].

Кроме того, достоин внимания тот факт, что русские названия ртути, меди, серебра, олова, свинца и

железа не имеют ИЕ прототипов. Такое возможно, например, при условии, что предки славян обитали в местах, где они могли открыть эти металлы сами, причём находясь в относительной изоляции от других ИЕ этносов, что затруднило передачу названий другим этносам, за исключением балтов, с которыми наблюдается значительный обмен ремесленными терминами. Как правило, названия металлов расходятся вместе с самими металлами (например, почти по всей Европе разошлось латинское название меди, а славяне заимствовали названия многих металлов, открытых не ими).

Есть, правда, ещё одна возможность появления исконных названий привозных изделий и материалов – переименование людьми оригинальных названий на свой лад, например, из соображений удобства произношения или придания названию осмысленности с помощью деформации или перевода оригинального названия на свой язык. Уменьшить вероятность такого стечения обстоятельств применительно к горнорудному делу и металлургии помог бы анализ соответствующей технической терминологии: если она исконна, то и названия добываемых металлов, по всей вероятности, исконны.

Горнорудная терминология

Добыча руд оформлена в славянских языках в значительной степени исконно славянскими терминами:

- *копи* 'горная выработка' – от *копаю*;
- *крепь* сооружение для предотвращения обрушения горных пород в шахтах' – от *креплю*;
- *кайло* 'вид молота' – от *каять*, аналогично *пойло* из *поить*, *стойло* – из *стоять*, *хайло* – из *хаять*; в согласии с Фасмером, вряд ли от нем. *Keil* 'клин' (в порядке обоснования семантической связи между понятиями 'порицание' и 'инструмент' можно вспомнить публичную казнь в виде побития камнями, т.е. 'каять' ~ 'бить камнем'); не исключено, что у *кайло* и *камень* общая древняя основа **ka-*: ср. семантическую параллель: д.-в.-н. когнат *hamar* 'молот' и др.-норв. *hamarr* 'камень' с основой *ha-* < **ka-*;
- *лом*, *лопата* – считаются безусловно исконными (см. статьи «лом», «лапа», «лопата» в [34]);
- *руда* (от *рыть*) – нечто выкапываемое (ср. кальки: рус. *ископаемое* от *копать*, греч. *μεταλλικά* 'металл' от *μεταλλεύω* 'копать'); схема образования такая же, как в *луда* – от *лить*, *нуда* – от *ныть*, *буду* < **bōdъ* 'пребывающий в состоянии' – от *быть* (статья «буду» в [34], со ссылкой на Френкеля); – названия бурого, красного цвета произведены от цвета железной руды, а не наоборот.

Эти и подобные термины сохранились, потому что работа с полезными ископаемыми (поиски и добыча) при миграциях не прерывалась.

Металлургия и кузнечное дело

Хорошо известны также исконные древнерусские термины из лексикона металлургов и кузнецов:

- др.-рус. *дѣмьница*, *домница*, из древнего корня **dō-*, от которого также др.-рус., ст.-слав. *дѣмъ*, *джти* 'дуть';
- др.-рус. термины кузнечного дела (*гѣрнь*, *молоть*, *ковати*, *кузнъ*).

ИЕ форма **kou-* (у С. А. Старостина – **kowə-*) нигде, кроме славянских языков, не обнаруживает значения 'ковать': в тохарских и иранских основа имеет значение 'убивать', в балтских – 'бить', 'рубить', в германских – 'бить', 'рубить'; при этом в славянских развилось только значение 'ковать' [30, с. 725], [15, **kowə-*]. Праслав. **kuznъ* 'кованные изделия,ковка' очевидным образом является исконным славянским образованием от основы **kov-/ku-* по типичной схеме с формантом *-н-*, как *жизнь, боязнь, болезнь*.

Древние термины, которые более относились к гончарному делу, нежели к металлургии, напр. **pektъ* [30, с. 713], мы здесь не рассматриваем.

Что касается других древних и исконных металлургических терминов – праслав. диалектн. **ěstěja* 'устье печи' (реконструкция О. Н. Трубачёва по родственным словен. диал. *vesteje* и *istěje, jistje*; ст.-чеш. *niesteje, nístěj*, чеш. диал. *nístěj*, словацк. *nistej*, в.-луж. *něśc*, н.-луж. *jěśca, jěśce, jěścija, jěścije*) [37, с. 145], **kladivo* 'молот', **yugnъ* 'горн, кузница', то они как раз сохраняются там, где мы ищем прародину славян: в средне- и южнодунайских славянских языках [31, с. 89]. Следы **yugnъ* сохраняются в сербохорв. *viġanъ* 'кузнечный горн', 'кузница', макед. *viġna* 'кузнечный горн', словен. *vigenj* (то же), ср.-болг. *vyġnii* 'кузница', в словацком *vyhňa* и чешском *vyheň*, но уже не в польском и восточнославянских.

Первую лексему – **ěstěja* – О. Н. Трубачёв выводит без какого либо посредства из ИЕ основы **ěd-* со значением 'есть, поедать' [30, с. 698]; лексема **kladivo* очевидным образом производится из праслав. **klad-ti*, а лексемы со значениями 'горн, кузница' < **yugnъ* родственны др.-русск., ст.-слав. *огнь*, болг. *огън*, чеш., слвц. *oheň*.

Исконность этих славянских терминов не вызывает сомнений, при этом ещё явно напрашивается предположение, что имя богини домашнего очага Гестии имеет славянское происхождение, поскольку семантически связано непосредственно с очагом, а не с

едой. О связи имени богини (др.-греч. *Ἑστία* 'Гестия' и лат. *Vesta* 'Веста') и названия устья печи (**ěstěja*) пишет и А. К. Шапошников [37, с. 146].

О. Н. Трубачёв справедливо отмечает расхождение славянских и балтских кузнечных терминов, за исключением ц.-слав. *вътръ* и др.-прус. *wutris* 'кузнец' [30, с. 725], которое может объясняться исторически сложившимся разделением труда в Балкано-Карпатской металлургической провинции (добыча руды vs производство изделий), о котором уже была речь выше.

Отсутствие общих технологических контактов у балтов и славян с другими этносами [30, с. 711-712] объясняется географической изоляцией предков балтов и славян, приведшей и к сохранению архаичных черт в этих языках, о которых также речь уже была.

В славянских языках среди терминов кузнечного дела есть и поздние заимствования (из германских или через посредство германских), в основном названия кузнечного инвентаря [30, с. 700], но они не порочат исконности выше рассмотренных древнейших славянских ремесленных терминов.

Теперь осталось убедиться в исконности славянских названий меди, свинца и серебра, которые в древности добывались в этом регионе (поскольку согласия относительно происхождения этих названий в литературе нет), а также названия бронзы. Исследование этимологии названия *железо* мы опустим: о славянском происхождении этого названия убедительно написал О. Н. Трубачёв [31, с. 124 – 129].

Как видно из таблицы 1, славянские названия меди, свинца и серебра образованы каждое от какой-то общей основы (за исключением поздних названий свинца в рус., укр., блр. и слвн., заменивших др.-рус./ст.-слав. *олово*), то есть имеют общеславянское происхождение, что означает их древность, предшествующую распаду праславянского языка.

Таблица 1.

Славянские названия меди, свинца и серебра

	'медь'	'свинец'	'серебро'
русский	<i>медь</i>	<i>свинец</i>	<i>серебро</i>
украинский	<i>мідь</i>	<i>свинець</i>	<i>серебро, срібло</i>
белорусский	<i>медзь</i>	<i>свінец</i>	<i>серабро, срэбра</i>
древнерусский	<i>мѣдь</i>	<i>олово</i>	<i>сьребро > серебро</i>
старославянский	<i>мѣдь</i>	<i>олово</i>	<i>сьребро, съребро</i>
болгарский	<i>мед</i>	<i>олово</i>	<i>сребро</i>
сербский	<i>мјед</i>	<i>о̀лово</i>	<i>срѣбро</i>
словенский	<i>mêd</i>	<i>svinec</i>	<i>srebrô</i>
чешский	<i>měď</i>	<i>olovo</i>	<i>stříbro</i>
словацкий	<i>med'</i>	<i>olovo</i>	<i>striebro</i>
польский	<i>miedź</i>	<i>ołow</i>	<i>srebro</i>
верхнелужицкий	<i>mjedź</i>	<i>wolaj</i>	<i>slěbro</i>
нижнелужицкий	<i>měź</i> 'латунь'	<i>wolaj</i>	<i>slobro, slabro</i>

Медь

Для названия меди мы предложим праславянскую реконструкцию **mьадь* [m'ědъ] 'нечто мнущееся', родственную прототипу ст.-слав. *мати* 'мать'.

Образование **mьадь* от *мати* аналогично *жудь* 'нечто ужасное' (обычно *жуть* [34, ст. «жуда»]) от ст.-слав. **жоути* 'гибнуть', ср. лит. *žūti* 'гибнуть'.

Название отражает существенное для древних отличие самородной меди от камней – она при ударе твёрдым предметом мнётся, а не ломается. Это свойство отражено в новгородском словаре XIII в. («Русская правда» по списку Московской Синодальной кормчей 1282 г.) словом *ковь* 'медь' [2, с. 127], т. е. медь – ковкая, деформируемая. С точки зрения семантики ('мнущееся') сюда же относится старое название серебра в финских языках – фин. *hopea* и др., – которое родственно словам со значениями 'мягкий', 'гибкий' [29, с. 82].

Носовой гласный в ИЕ прототипе ц.-слав. *мати*, польск. *miąć* 'давить, мять' согласуется с наличием носового согласного в корнях англ. *mend* 'исправлять', ирл. *méin(n)* 'руда, металл' (неканонический взгляд на эволюцию носовых гласных в ИЕ языках описан более подробно в [23]).

В др.-рус. после падения носовых по общему правилу должно было бы быть не *мѣдь*, а **мядь* (при прототипе **мѣдь*), но известен весьма архаичный пример такого же исключительного соответствия, практически полностью совпадающий с рассматриваемым случаем, ср.:

- др.-рус. *ѣда* 'еда' и *ѣдь* 'еда' < *ѣти* 'принять';
- др.-рус. *мѣдь* 'медь' и **мѣдь* 'медь' < **мѣти* 'мять'.

Отметим, что балтские названия меди не связаны со славянскими: лит. *varis*, лтш. *varš* – и они восходят к корню с семантикой 'варить' [11, с. 48 – 50]. Это единственное расхождение между балтийскими и славянскими названиями металлов, и оно, определённо, показывает различие обстоятельств, при которых эти группы этносов впервые познакомились с медью: протославяне обнаружили мягкость самородной меди, а протобалты выплавляли медь из руды.

Стоит упомянуть также, что праславянскую основу новгородского диалектного названия меди **kow-/ku-* можно увидеть в хет. *kuwanna* и лув. *kuwanzi* 'медь'. След этой основы сохранился и в др.-греч. *κωανός* 'медная лазурь (стёкла, окрашенные с применением окиси меди, имели голубой цвет), иссиня-чёрный (цвет окиси меди)'; с неясной этимологией [17]. Это можно было бы отнести на счёт влияния языка группы, продвинутой в металлургии, на языки соседей.

Серебро

Выбор из многих вариантов этимологии праслав. **sъrebro* 'серебро' помогло сделать перс. *sorb* 'свинец' < ср.-перс. *srub*, тадж. *сурб*, курд. *sirb*, все – 'свинец'; эти лексемы считаются родственными праслав. **sъrebro* 'серебро', дальнейшая этимология не приводится [47, поиск: *سرب*].

Мы можем предположить следующую историю иранских названий свинца, родственных праславянскому названию серебра (исключаем версию, что древние иранцы не различали серебра и свинца). Выплавка свинца производится с помощью термического разложения галенита – сульфида свинца, при котором выделяется сернистый газ, обладающий резким запахом. Кроме того, поскольку галенит является серебросодержащей рудой, попутным результатом выплавки свинца являлось серебро.

Сера в самородном состоянии, а также резкий запах горячей серы и отвратительный запах сероводорода известны с древнейших времён. В силу этого, возникают этимологические гипотезы, объясняющие как слав. название серы и серебра, так и иран. названия свинца.

Перейдём к существующим предположениям.

По Фасмеру, укр. *сіра*, др.-рус. *сѣра*, сербск.-цслав. *сѣра*, болг. *сіра*, чеш. *síra*, слов. *sírka* 'спичка', польск. *siara, siarka* – с *серый* не связаны из-за отсутствия шипящего в зап.-слав., прочие варианты этимологии оказались также под сомнением. Лит. *sierà*, лтш. *sērs* 'сера' заимств. из вост.-слав.

По Трубачёву, слав. *sēra* родственно лат. *sērum* 'сыворотка' [34, ст. «сера»].

Ввиду отвратительного запаха сернистых соединений, естественно предположить связь др.-рус. *сѣра* со слав. **sъrati* 'срать', с чередованием *ъ* ~ *ь*, как в *дѣра* 'дыра' ~ *дѣрати* 'драть', *жѣртва* 'жертва' ~ *жѣрати* 'жрать'. Отсюда суффиксальное производное **sъroba* 'сор, срань' (подобное *хвороба* 'хворь' – из **xvorъ* 'хворый' и *зѣлоба* – из *зѣль* 'злой'), от которого уже иран. названия свинца и др.-рус. *сѣребро* 'серебро' (как *добро* – из *доба* 'пора' [34, ст. «добрый»]). Харпер приводит ст.-слав. аналог без суффикса *-r(s(u)rebo)* [42, поиск: *silver*], в болгарских текстах можно встретить написание *сребо* 'серебро'. У Трубачёва о *серебро* – иначе [29, с. 76-82], но его этимологические варианты не объясняют связи иранских названий свинца и славянских названий серебра.

Германские названия серебра также выдают его связь с серой: ср. санскр. *śulbāri*, др.-лат. *sulphur* 'сера' и др.-англ. *seolfor*, мерс. *sylfur* 'серебро; деньги', др.-сакс. *silvbar*, др.-фриз. *selover*, др.-норв. *silfr*, д.-в.-н. *silabar*, гот. *silubr* 'серебро' [42, поиск: *silver*]. Эти лексемы гипотетически могут быть произведены из др.-греч. **ἑωλοφορός* 'несущий зловоние' (ср. с др.-англ. *seolfor*), с характерным соответствием лат. и герм. [s] густому др.-греч. придыханию.

Происхождение *серебро* из исконного *сера* означало бы самостоятельное открытие протославянами серебра, получаемого из руды.

Олово, свинец

Свинцовые изделия говорят о наличии металлургии свинца, поскольку свинец в чистом виде в природе встречается редко. Наиболее ранние находки таких изделий (бус и подвесок) были сделаны в Чатал Хююке (6 тысячелетие до н. э. [7, с. 17]). Можно, стало быть, полагать, что наиболее древнее название свинца родилось где-то на юге Малой Азии. Какой язык назвал его первым, хаттский, шумерский или какой-нибудь из семитских языков, мы не знаем.

Не позже конца 4 тысячелетия до н. э. свинец начали выплавлять на островах Эгейского моря: в 3 тысячелетии много свинцовых изделий было изготовлено на Крите. С 3 тысячелетия до н. э. свинцовые изделия известны и в древнем Египте [7, с. 17, 18]. Торговые связи критян в это время доходили до Испании, о чём свидетельствуют критские свинцовые изделия: критские бусы и поильник – найденные в Испании [36, с. 60].

Свинцовые гири для весов на основе минойской единицы веса, которые были обнаружены во всей эгейской области, указывают на то, что вся эгейская область в минойскую эпоху была охвачена едиными торговыми отношениями — наследием Кикладской культуры 3 тысячелетия до н. э. [7, с. 17 – 19]. С учётом нахождения критских артефактов в Испании, можно уверенно говорить не только о развитой металлургии в эгейском регионе, но и о развитом мореплавании.

Такая распространённость свинцовых изделий в 4 – 3 тысячелетиях до н. э. должна была сопровождаться распространением оригинального названия свинца, возникшего в языке его производителей.

В большинстве слав. языков для обозначения свинца использована основа **(w)olow-*. Этимология *олово* 'свинец' выводится из семантических соображений таким образом: это приставочное производное от основы **low-*, родственное *лить*, *лью* – в связи с легкоплавкостью свинца (разогретый в пламени костра, он плавится и течёт, льётся). Схема словообразования типична: *олово* < *лить*, как *омовение* < *мыть*, морфемный состав *о-лов-о* – как у *о-ков-а*, *о-снов-а*.

Родственно стар. *пловкий* 'плавкий', *лой* 'жир', гидроним *Ловать/Ловоть*, *оловина* – брага, пиво, мед; новг. пск. твер. – гуща; осадки и остатки браги, пива или кваса [5, с. 1249, ст. «оловина»] – то есть то, что льют, или то, что остаётся после слива.

Слав. **(w)olow-* 'свинец' не связано с д.-в.-н. *ělo* 'желтый', лат. *albus* 'белый', греч. *ἄλφός* 'белый лишай', вопреки Фасмеру [34, ст. «олово»], поскольку цвет свинца никак нельзя считать белым или жёлтым. Миккола предположил (при сомнениях Фасмера [34, там же]), что слав. термин заимствован из того же средиземноморского источника, что и родосск. *βόλμιος* 'свинец', и лат. *plumbum* 'свинец' (с общностью происхождения греч. и лат. Фасмер согласен). Мы полагаем, что направление заимствования было таким: праслав. **(w)olow-* > родосск. *βόλμιος*.

Близкое родство слав. и балт. названий свинца с ИЕ основой **IVw* с семантикой текучести и отсутствие близких к ним названий в других языках говорят о заметной изоляции протобалтов и протославян от носителей других диалектов в эпоху, когда началась выплавка свинца из руд.

Применение родственных терминов то к свинцу, то к олову в слав. языках можно объяснить лишь тем, что оба металла легкоплавки (причём свинец, напомним, – отнюдь не *albus* 'белый'). Аналогичное явление мы наблюдали в применении славянами одной и той же основы с семантикой 'игла' для обозначения в одних слав. ели, в других – пихты, то есть похожих друг на друга хвойных деревьев [35, с. 147], [19].

В некоторых слав. языках применяются более поздние родственные друг другу: рус. *свинец*, укр. *свинць*, блр. *свінец*, др.-рус., ц.-слав. *свиньць* – то же, словен. *svínec*, род. п. *svínca*. Рус. *свинец*, скорее всего, родственно *свин*, т.е. *свинец* – 'грязный металл', ср. семантическую параллель: *чушка* 'слиток' из *чушка* 'поросёнок'.

Термин появился, видимо, для различения свинца и олова: свинец – 'грязное олово'. Аналогично

противопоставлены друг другу в некоторых алтайских и в латыни белый свинец 'олово' и чёрный свинец 'собственно свинец'.

Схема словообразования типична для др.-рус. и ст.-слав.: *свинь* – *свиньць*, как *конь* – *коньць*, *образь* – *образьць*. Современные восточнослав. названия свинца, применяемые для отличия его от олова, и заимствованные из них балт. названия являются наиболее молодыми и исключаются из кандидатов на оригинальное восточносредиземноморское название свинца.

Бронза

После того как мы попытались показать праславянское происхождение славянских названий металлов, добываемых в 5 – 3 тысячелетиях до н. э. на Балканах и в окрестностях, то есть вблизи предполагаемой прародины славян, стоит обратить внимание на тот факт, что бронза была изобретена не на Балканах, а в Малой Азии и Междуречье. В это время в Балкано-Карпатской металлургической провинции продолжали производить чистую медь (бронзовый век на Балканах начался во 2 тысячелетии до н.э., много после распада Балкано-Карпатской металлургической провинции и незадолго до распада Минойской цивилизации на юге Балкан и островах). Производство бронзы осваивала Циркумпонтийская металлургическая провинция, которая в 3 тысячелетии до н.э. захватила территорию Балкано-Карпатской провинции и восприняла изобретение бронзы откуда-то с юго-востока Анатолии, чьи горы обладали богатыми залежами меди и олова. Уделим некоторое время нахождению этого юго-восточного источника названий бронзы в славянских языках.

Согласно ст. «бронза» в [34], рус. *бронза* заимств. через нем. *Bronze* или прямо из франц. *bronze*, последнее связывали с названием города *Brundisium*, где были знаменитые мастерские по изготовлению бронзы (*aes Brundisium*); некоторые считают источником перс. *birinj* (برنج).

Факт заимствования названия бронзы в слав. почти неоспорим, но вряд ли источником является лат. название *Brundisium* итал. города Бриндизи (в конечном счете, из иллир. *Βρεντήσιον*): не стоит некритически соглашаться, что славянские названия бронзы, а также фр. *bronze*, ит. *bronzo*, баск. *brontze*, греч. *μπρούντζος* 'бронза' и *μπρούτζος* 'латунь' восходят к названию единственного города – лишь одного из производителей бронзовых изделий. Скорее можно допустить, что город был назван по названию металла: ср. топонимы *Χαλκίς* (древняя Сирия), *Copperfield* (штат Utah), *Медногорск*, оз. *Медное*, *Argentina*, *Железногорск* – тем более что город основан в конце 2 тысячелетия до н. э., т. е. намного позже начала бронзового века, когда бронза получала свои названия.

Далее, в арабск. *برونز* (*brūnz*) (поиск «برونز» в [47]), арм. *բրնւզ* (*bronz*), курд. *bronz*, лит., лтш. *bronza* (в лит. есть исконное название *žalvaris*, букв. 'зеленая медь', семантически идентичное кит. *qīng tóng*), дат., англ. *bronze*, нем. *Bronze*, норв. *bronse*, голл. *brons*, фин. *pronssi*, эст. *pronks*, венг. *bronz* (сущ. наряду с исконным *vörösréz* 'красная медь') видна

цепь заимствований из того же источника, что и вышеприведенные названия бронзы, причем ни одно из них фонетически не сближается с перс. *birinj*.

Это побуждает искать другие возможности для объяснения формы «бронза».

Прежде всего, вспомним анатолийские названия меди: хетт. *kuwanna* и лув. *kuwanzu* 'медь' [7, с. 102], – и лув. *kuwanzus* 'тяжелый', в которых очевидна общая часть основы **kuwan-*, дооформленная разными суффиксальными расширениями в хетт. и лув. и восходящая к протослав. **ku-/kōw-* 'бить, ковать' [17]. Можно представить аналогичную схему развития протослав. **brunь / *bronь* > анат. **brun-* > хетт. **brunna*, лув. **brunzu* 'бронза' – фонетически и морфологически параллельную схеме образования анат. лексем со значением 'медь'. Из лув. **brunzu* могут быть заимствованы современные арабское, западно-европейские, финно-угорские и славянские названия.

Семантика протослав. **brunь / *bronь* 'бронза' – 'оружие, защита' – очевидна и логично применима к названию металла, который, в силу большей твердости, чем медь, был востребован для производства оружия и защитной амуниции (аналогичная связь – между *латы* и *латунь*). То есть, возможно, к др.-рус. *брѣнь* 'латы' – а не в обратном направлении – восходят многие лексемы ИЕ языков со значением 'бронза' (букв. 'материал для доспехов').

Рус. *брѣня, бронь*, очевидно, можно сравнить с рус. *бѣрѣня* 'борьба, препятствие', стар. (о)бѣрѣнѣти, обѣрѣна, общеславянского происхождения: укр. *бѣронѣти* 'защищать', ст.-слав. *брань* ж. 'битва, бой', болг. *брѣня* 'защищаю, препятствую', сербохорв. *брѣнѣти, брѣн* ж. 'бой', словен. *brān* ж. 'защита', чеш. *braň* 'оружие', польск. *broń*, диал. *brón* [brun] 'оружие', в.-луж. *brón* 'оборона', н.-луж. *broń* 'оружие'.

От **bronь* чередованием гласного **bronь ~ *brę-* логично произвести *бряцать* (оружием), *брякать, брѣнчать*: ср. русск.-цслав. *брѣчѣж, брѣчѣти*, болг. *брѣнчѣ* 'жужжу', польск. *brząkać* 'звякать, греметь', *brzęczeć* 'жужжать'.

К последним звукоподражательным формам могут восходить перс. *birinj* 'бронза; рис' > др.-груз. ჰირინჯი (*pilenzi*) 'медь', груз. ბრინჯაო (*brindzao*) 'бронза' (ср. с ბრინჯო (*brindzi*) 'рис'), тадж. *биринҷи* 'бронзовый'; армян. *պրինձ* (*pə'vindz*) относилось к меди, а не к бронзе, как и в др.-груз. ჰირინჯი (ст. «ჰირინჯი» в [47]).

Этим же чередованием можно объяснить различия в огласовках наименований бронзы и оригинального названия Бриндизи – др.-греч. *Βρεντήσιον, Βρεντίσιον* – топоним иллирийского происхождения (мессапский) [47], букв. 'Бренчащий', если допустить, что это название связано с «бренчащими» бронзовыми изделиями.

Любопытно, что так же как бронзу, персы называли рис: ср.-перс. *رڤج* из др.-перс. **vrinji-* (ст. «*brñj*» в [47]). В этом источнике считается, что название риса связано с прото-дравид. **wariñci* 'рис'. Такая омонимия может быть признаком заимствования обеих лексем в перс. из разных источников.

Связь *бронза* с *bronь* 'белый', *bronь* 'отливать желтоватым, серым, красным цветом' и обозначениями других цветов семантически объяснима иным, более светлым цветом бронзы, нежели цвет меди, ср. с эст. *valgevask* 'латунь', букв. 'белая медь', лит. *žalvaris* 'бронза', букв. 'зеленая медь'.

Заимствование *bronь* из герм. исключено наличием множества исконных славянских родственные *bronь*, приведенных выше.

Можно считать обоснованным, что слав. **bronь* означало материал для защиты, т. е. бронзу; ср. с другим вероятным переходом значений 'доспехи' > 'металл': *латы* > *латунь* [16].

Нуждается в объяснении факт переименования формы *бронза* в рус. из франц. или нем. при исконно славянском происхождении названия сплава. Аналогичное явление мы наблюдали при изучении этимологии названий средиземноморских рыб, например, *тунец, макрель* и *скорпена* [20], и названий африканских эндемиков – *жираф, зебра* и *бегемот* [18]. Названия южных животных были забыты после славянского переселения на север и вернулись в славянские языки, пройдя цепочку заимствований и соответствующих искажений. Исконное название бронзы могло быть утеряно после вытеснения славян в конце прошлой эры и в I тысячелетии н. э. с севера Европы в Восточную Европу, где не было условий для выплавки бронзы. В то же время названия растений, растущих и в начальных, и в конечных пунктах миграций, сохранялись [19], так же как и названия плавсредств и их частей, преемственность в изготовлении которых не прерывалась [21]. Последнее обстоятельство, кстати, означает, что предки славян, вопреки Ф. П. Филину, хорошо знали и море, и мореплавание.

Однако рус. *бронза* < **bronь* можно получить и без анатолийского посредства с помощью расширения основы малопродуктивным суффиксом *-з-*, как *гомза* – из *гом, грымза* – из *грымить*. Происхождение названия *бронза* из праслав **bronь* означало бы, что праславяне первыми применили бронзу для изготовления защитной амуниции, откуда и смысл названия сплава.

Поздние заимствования названий бронзы и меди в финно-угорск., герм. и роман. языки при отсутствии следов исконных названий говорит о позднем знакомстве носителей этих языков с металлургией меди и ее сплавов. Уникальная морфологическая параллель *aes Cyprium* 'медь' (букв., 'металл из Кипра') ~ *aes Brundisium* 'бронза' (букв., 'металл из Бриндизи') говорит о том, что оба металла не были для древних латинов носителями каких-то свойств, а были, скорее, предметом импорта.

Разные истории латышского и литовского названий бронзы согласуются с одновременностью аналогичных миграций предков латышей (более ранние миграции) и предков литовцев (более поздние миграции).

Любопытно, что китайское название бронзы *qīng tóng* (букв. 'зеленая медь') семантически совпадает с литовским названием и, если допускать западное влияние на культуру Китая 2 тысячелетия до н. э., то

китайское название окажется калькой с литовского/фракийского, а не наоборот.

Промежуточные выводы

Итак, мы располагаем сведениями о древности очагов металлургии в Балкано-Карпатском регионе и об исконности славянской горнорудной и металлургической терминологии. У нас есть основания предполагать, что славянские названия меди, олова, железа и серебра, которые в древности добывались в этом регионе, а также название бронзы имеют славянские этимологии. Это позволяет считать, что предки славян во времена развития металлургии в балкано-карпатском регионе имели к этому развитию прямое отношение, то есть заведомо обитали там в V – III тысячелетиях до н.э.

Даже если оставить под сомнением славянские этимологии лексем *серебро* и *железо*, то и в этом случае гипотеза о происхождении славянского, балтского и германского названий серебра из какого-то переднеазиатского источника, и гипотеза о происхождении славянского и балтского названий железа из хаттского языка [7, с. 99] не противоречат формированию праславянского языка на далёком юге.

Самого факта знакомства местных жителей с местными же ресурсами ещё недостаточно для того, чтобы все они называли эти ресурсы одинаково. Важно то, что горнодобывающая промышленность, металлургия, кузнечное дело и торговля образуют производственный комплекс с обширной кооперацией множества занятых в производстве людей различных местных племён, изначально говоривших на разных языках или разных диалектах одного языка. Эта кооперация и создала потребность в консолидации языков, о которой писал О. Н. Трубачёв [31, с. 16] и которая привела к образованию славянского языкового типа.

Общая сельскохозяйственная терминология славян

Критерий исконности названий сельскохозяйственных культур

Если протославянский язык формировался в конце энеолита в Восточном Средиземноморье, то у славян должны быть общими исконные названия сельскохозяйственных культур с родиной в этом регионе и названия сельскохозяйственных орудий времён энеолита и бронзового века.

Группируя названия древних культур по типу источников названий, получаем такую картину:

- *ячмень, пшеница, просо, жито, горох* – исконно славянские, не имеющие аналогов в других индоевропейских (ИЕ) языках; при этом *жито, пшено и пшеница* – причислены к новообразованиям от лексем со значениями 'жить' и 'пахать', соответственно;
- *рожь* – исконно славянское, имеющее родственные в балт. и герм.;
- *боб, репа, морковь* – унаследованы из некоего исчезнувшего языка через посредство лат. и герм.;
- *лук* – заимствовано из герм.

«Лишь немногие термины, относящиеся к сельскому хозяйству, выходят за пределы славянских языков, имея исконно родственные соответствия в других индоевропейских языках (ср. названия зерна,

семени и некоторые другие). Основная масса общеславянской сельскохозяйственной терминологии является или новообразованием, или усвоена из других языков» [35, с. 113].

Отметим, что, если у слав. названия нет ИЕ аналогов, то это в половине, по крайней мере, случаев считается новообразованием. Если у слав. названия есть некоторое количество ИЕ аналогов, то оно считается чьим-то заимствованием из неизвестного языка, наконец, одно название – *лук* – считается заимствованием из герм. с неопределённой дальнейшей этимологией.

«Конечно, накопление сельскохозяйственной терминологии в общеславянском языке происходило в течение длительного времени. Во всяком случае, совершенно очевидно, что носители общеславянского языка на среднем этапе его развития были хорошо знакомы с земледелием и уже обладали значительным запасом соответствующей лексики, сохранившейся в славянских языках до настоящего времени. Это можно сказать не только о названиях культурных растений, но и о наименованиях сельскохозяйственных орудий, различных видов сельскохозяйственного труда и сельскохозяйственных продуктов. Общеславянская сельскохозяйственная лексика в целом резко отличается от соответствующей лексики других индоевропейских языков, представляя собою своеобразный и неповторимый комплекс» [35, с. 114].

После ознакомления с материалом цитат можно усмотреть некоторое противоречие.

С одной стороны, так называемые «историко-культурные ограничения» предполагают относительно позднее появление славян на исторической арене, и очевидно, что освоение народом новой для него технологии производства, известной народам-соседям, подобно освоению немецких достижений в петровские времена, должно было бы сопровождаться заимствованиями названий инструментов и объектов обработки.

С другой стороны, исключительно у славян образовался «своеобразный и неповторимый комплекс» сельскохозяйственной лексики, отличающейся от ИЕ лексики, несмотря на влияние со стороны более продвинутых племенных ИЕ групп.

Для разрешения этого противоречия мы предлагаем более внимательный этимологический анализ вышеприведённых названий сельскохозяйственных культур, которые считаются заимствованиями [22]. При этом отметим, что сельскохозяйственные культуры, имеющие в славянских языках исконные названия, были открыты на Ближнем Востоке и вскоре распространились в Восточном Средиземноморье. Это ячмень и пшеница – древнейшие культуры, а также просо, известное с 3 тысячелетия до н. э., в т. ч., в Европе и Северной Африке. Культурный горох также распространился по Европе из восточных районов Средиземного моря.

При этимологических исследованиях будем ориентироваться на такое правило: слово имеет вероят-

ным источником группу языков, для которой оно является общим и имеет наиболее осмысленную мотивацию.

Начнём с лексемы *лук*.

Лук

Лук использовали в пищу задолго до нашей эры и Иран, и Китай, и страны Средиземноморья. Название лука у славян – общеславянское: *лук*, ст.-слав. *лоукъ*, болг. *лѹк*, сербохорв. *луќ*, словен. *lùk*, чеш. *luk*, польск. *luk*.

По Фасмеру (ст. «лук» в [39]) – заимств. из др.-герм. **lauka-*. Ищем смысл последнего в ст. «Reconstruction:Proto-Germanic/laukaz» [47]: "Этимология неизвестна. В конечном итоге, возможно, от прото-ИЕ **lewǵ-* "гнуть". У С. А. Старостина в [4] находим со значением 'гнуть' два сходных ИЕ прототипа: **lug-* и **lenk(ʷ)-*. Из второго получаются слав. родственные со значениями 'лук (вид оружия)' и 'гнуть'.

Лексемы *лук* 'вид оружия' и *лук* 'огородная культура' принято считать случайно совпавшими по окончательному произношению в рус. омонимами, несмотря на совпадение значений у ИЕ прототипов. Следует ли считать этот вывод окончательным? Если учесть, что растение могло быть названо так в связи со сходством его развивающихся цветоножек со стрелами (а они до сих пор в рус. так и называются: *стрелы*), то прототипом названия растения следует считать общеслав. лексему **lǫkъ* / **lękъ* (ср. ст.-слав. *лѹкъ* и польск. *lęk*), содержащую носовой гласный в корне и имеющую значения 'лук; лука'. В этом случае заимствовали название лука германцы, что может объяснить отсутствие дальнейшей этимологии в герм.

Польск. форма без носового гласного, вероятно, появилась в результате позднего заимствования из герм. в обратном направлении или из других слав. после падения носовых. Ср. также лтш. *luðks* 'лук' (заимствовано из рус.) и *liuðks* 'изгиб, дуга' (считается родств. *лѹкъ* 'лук-оружие') – оба без носовых звуков.

ИЕ название лука не связано с герм., слав. и балт. названиями: **kermus-* / **kremus-* [15], [47] (когнаты: др.-греч. *κρόμμινον* 'лук' [6], др.-англ. *hramsa*, лит. *kermiškė*, рус. *черемша* 'дикий чеснок' [34]). Лат. *ūniō* (> англ. *onion*) означало как луковичу, так и большую жемчужину [47], и также не связано с *лук*. Перс. *ruaz* 'лук (растение)' имеет общее происхождение с тюркскими названиями и к слав. названиям лука не имеет никакого отношения.

Морковь

Семена моркови археологи обнаруживают при раскопках по всему побережью Средиземного моря (в том числе, в Северной Африке), в Азии и европейских странах с умеренным климатом. Название моркови у славян – общеславянское.

Ср. слав. аналоги *морковь* со слав. аналогами *меркнуть*, *марать*:

- болг. *мѹрков* - *мрѹква* 'смеркается';
- сербохорв. *мрѹква* - *мрѹкнути* 'меркнуть';
- словен. *mŕkāv* - *mŕkniti* 'меркнуть';
- чеш. *mrkev* - др.-чеш. *mrknŭti*, чеш. *smrknouti* 'темнеть, мигать'

- польск. *marchew* - польск. *marac* 'марать',
- в.-луж. *morchej*, н.-луж. *marchweј* - в.-луж. *marac*, *mōrac* 'мазать'.

Семантическая связь *морковь* и *маркий* (реже – уст. *марковатый*, ст. «марать» в [5, с. 897-898]) очевидна: клубни моркови изначально были тёмно-фиолетового цвета и очень пачкали всё, что их касалось. Корнем общеславянского прототипа можно считать **mrk-*, где слоговой *-r-* > *-oro-*, *-ra-*, *-ar-*, *-or-* [26]. Судя по отсутствию когнатов в сканд., общегерманской лексеме со значением 'морковь', скорее всего, не было, а др.-англ. *more*, д.-в.-н. *mor(a)ha* 'корень растения или дерева', др.-сакс. *moraha*, нем. *Möhre* 'морковь' (ст. «моге» в [47]) являются заимствованиями, ср. с рус. *замараха*, откуда мог появиться [h] в герм. лексемах, если только заимствование не произошло до первого передвижения согласных в герм.

Лат. *carōta* (> англ. *carrot*) производят из др.-греч. *κάρωτόν* 'морковь', далее полагают связь с ИЕ **ker-* 'рог' [47], якобы за сходство с клубня с рогом. Эти названия не связаны с историей слав. названий моркови.

Репа

Родиной репы считается Средиземноморье, Западная и Южная Азия. Название репы у славян – общеславянское: русск.-цслав. *рѣпа*, болг. *рѣпа*, сербохорв. *реѣпа*, словен. *repa*, чеш. *řípa*, слов. *repa*, польск. *rzepa*, в.-луж. *repa*, н.-луж. *repa*.

Считается странствующим термином: ср. лит. *rōpė* 'репа', д.-в.-н. *ruoba* 'репа' наряду с *rāba* ж. (и.-е. **rāp-* и **rēp-*), лат. *rāpum* ср. р., *rāpa* ж., греч. *ράπυς*, *ράφης* ж. 'репа', *ράφανος* м. 'редька'; см. также *penēi*, русск.-цслав. *рѣпи*, к-рое сравнивают, в частности, с лат. *rapīō* 'хватать, схватывать' и др.-прусс. *raples* 'щипцы', но родство к-рого с *repa* Фасмер подвергает сомнению (ст. «репа» в [34]).

Оспорить определение термина как странствующего с неясной конечной этимологией трудно. В нашем распоряжении лишь некоторые небесспорные сравнения:

- лат. *rapīō* 'хватать, схватывать' – с рус. *репей*, аналогичное сравнению лат. *rāpa* 'репа' и рус. *repa*, откуда можно догадываться о связи *repa* и *rapīō*;
- южн.-рус., укр. *рупа* 'картофельная яма', чеш. *řypati* 'копать, рыть', лит. *riūpti* 'рыть' – с д.-в.-н. *ruoba* 'репа', откуда видна связь *repa* и *рыть*.
- ведущие к предположениям о латинском или балтославянском источнике названия репы.

Боб

Родина боба садового или обыкновенного, или русского, или конского (лат. *Vicia faba*) – Средиземноморье.

Общеславянская лексема: укр. *біб*, болг. *бѹб*, сербохорв. *боѹ*, *бѹба*, словен. *bōb*, чеш. *bob*, польск. *bób*, в.-луж. *bob*, н.-луж. *bob*.

Дальнейшую этимологию слав. лексем, др.-прусс. *babo* и лат. *faba* 'боб' можно искать исходя из предположения о связях с англ. *baban* 'дитя', нач. 13 в. (ст. «babe (n)» в [42]), др.-рус. *баба* 'крестьянка'; рус. *бобыня* 'надутый (чванливый) человек'.

Сюда же с [u] в корне, как в польск. *bób*: *бѹба* 'опухоль, желвак', черниг., орл.; укр. *бѹба* – то же. По

Бернекеру и Преобр., связано с *бублик*. Далее можно сравнить со ср.-голл. *bobbel* 'пузырь' или ср.-нж.-нем. *bubbeln* 'пузыриться' > англ. *bubble* 'пузырь; пузыряться', возможно, звукоподражательного происхождения (ст. «bubble (n)», «bubble (v)» в [42]).

Все эти лексемы семантически объединяются понятием 'пухлый; округлый', что вполне соответствует форме бобов.

Рассмотрим ещё несколько терминов, которые в настоящее время считаются заимствованиями и которые также связаны с растениями.

Мята

Различные разновидности мяты ведут происхождение из Средней Азии, Средиземноморья.

Общеславянское суффиксальное производное с суффиксом *-m-*, как в *мята*, *сито*. Не из лат. *mentha*, вопреки Фасмеру (ст. «мята» в [34]), а от *мять* (мятый лист мяты сильно пахнет):

укр. м'ята – м'яти,
 словен. *mēta* – *mēti*;
 чеш. *máta* – *mačkat* 'жать, месить',
 словц. *māta* – *māt*,
 польск. *mięta* – *miąć*

(приведены сопоставимые примеры из ст. «мята» и «мять» в [34], добавлено чеш. *mačkat* 'жать, месить').

Лит. *mėta* родств. слав. словам, лат. *mentha* (*mentha*) 'мята' – от др.-греч. *μίνθη*, *μίνθος* 'мята', др.-греч. *μινθόω* 'изгадить', последнее, возможно, от слова со знач. 'мята' или 'мять', тогда и лат., и греч. слова заимств. из слав., поскольку не имеют семантического объяснения в своих языках. Ср. тж. греч. слова *μίνθη*, *μίνθος* 'мята' с лит. *mintinis* 'мятый', *minti* 'топтать', родственными слав. словам со значением 'мять'. Герм. слова со знач. 'мята' др.-англ. *mint* (8 в.), др.-сакс. *mint*, ср.-голл. *mente*, д.-в.-н. *minza*, нем. *Minze* заимств. из лат. и/или др.-греч.

Литературные источники подтверждают семантику названия 'мятая, топтанная': *Μίνθη* якобы была нимфой в подземном царстве; Аид бросил ее, похитив Персефону (лат. Прозерпина), но *Μίνθη* не прекращала жаловаться и бранить соперницу, за что и была растоптана ее матерью Деметрой; потом на этом месте выросла садовая мята. Харпер считает, что имя нимфы могло быть заимствовано из утерянного средиземноморского языка (ст. «mint (n.1)» в [42]).

Резеда

Родина резеды душистой – Северная Африка.

Название общеславянское, в боснийском и сербохорватском есть синоним *ljubimac*.

По Фасмеру (ст. «резеда» в [34]), ввиду конечного ударения – из франц. *réséda* – то же, происходящего от лат. *resēda* – то же (начиная с Плиния, Nat. Hist. 27, 131: *resēdā* est herba...; quī cūrant eā, addunt haec verba: *resēdā*, morbōs *resēdā*), которое было осмыслено как связанное с *resēdāre* 'исцелять'.

Трудно согласиться с достаточностью признака ударения на последнем слоге для обоснования заимствования из франц. *Резеда*, как и сугубо русские названия растений: *белена*, *лебеда*, *череда* – может

быть русским названием, несмотря на ударение на последнем слоге.

Можно представить *резеда* как рус. суффиксальное производное от корня *рез-*, от которого *резать*, суффикс *-ед-*, как в *лебеда*, *череда*. Резеда (от *резь*), могла быть названа так за резкий запах.

Греч. *ρεζεντά* и др. европейские созвучия являются заимствованиями.

Резина

Вероятно, рус. суффиксальное производное от корня *рез-*, подобное *ряб-ин-а* – от *ряб-*. Изначально – древесная смола, получаемая из надрезов коры: «Слѣдственно копалла есть древесная рѣзина, или родъ клею изъ деревь, подобно какъ из сливныхъ деревь истекающая» [3, с. 422]. В прочих славянских языках распространились слова, родственные *камедь*, происходящие, как считается, от древнеегипетского [*kemai*] 'липкая смола'. Общеславянский синоним – *живица*.

Лат. *rasis* 'сырая смола' и *rasio* (от *radere*, неопределённого происхождения) 'соскребывать, скоблить' образуют кальку к рус. '*рѣзина* – *рѣзати*'. Армян. *řetin*, лат. *resina* 'камедь, смола' (помимо исконного *rasis*), англ. *resin*, алб. *rrëshirë*, баск. *erretxina*, тур. *reçine* и кельтские слова заимствованы, как считается, из др.-греч. *ῥητίνη* 'камедь, древесная смола' от *ῥέω* 'течь, изливаться' (ст. «ῥητίνη» в [6]). Харпер считает происхождение древнегреческого слова не установленным (ст. «resin» в [42]).

Образование *ῥητίνη* от *ῥέω*, действительно, вызывает сомнения, ввиду того, что:

- схема образования не типична (например, от *χέω* 'лить' и *δέω* 'привязывать; испытывать нужду' не образуется слов, аналогичных *ῥητίνη*),

- существует причастие от *ῥέω* 'течь' – *ῥυτός* 'текущий' [6] (аналогичные формы есть и для *χέω* 'лить' и *δέω* 'привязывать; испытывать нужду'), но слово для «истекающей» смолы выбрано иное;

- [t] в греч. *ῥητίνη* должен сохраняться при заимствовании и в баскском, и в латинском, и в германских. Напр., [t] сохраняется в баск. *tigre* из лат. *tigris* из др.-греч. *τίγρις* 'тигр', в баск. *sentitu* из лат. *sentire* 'чувствовать', в лат. *būtūrum* и англ. *butter* 'масло' из греч. *βούτυρον* 'масло'.

Промежуточные выводы

Все вышеприведённые названия, которые считаются заимствованиями в слав. из каких-то языков или имеют неясное происхождение (*лук*, *морковь*, *репа*, *боб*, *горох*, *мята*, *резеда*), относятся к растениям с родиной в Средиземноморье и могут иметь прозрачную семантику в общеслав. языке: *лук* 'растение со стрелами', *морковь* 'марковатая', *репа* 'вырываемая', *боб* 'пухлый, округлый', *горох* 'тянущийся горé', *мята* 'смятая (растоптанная)', *резеда* 'резко пахнущая'.

Несколько слов о сельскохозяйственном инвентаре, без детального рассмотрения: термины *соха*, *лопата*, *вилы*, *гумно* и многие другие являются исконно славянскими.

Трудно считать случайными совпадения средиземноморской родины растений и возможности слав. этимологии названий этих растений, в силу множе-

ства таких совпадений. А в целом, уникальность комплекса славянских сельскохозяйственных терминов, которую упоминал Ф. П. Филин, может быть объяснена обособленностью праславян на востоке Средиземноморья, в том числе, на Балканах.

Сельскохозяйственные термины, в отличие от названий экзотических животных, рыб и многих деталей плавсредств, рассмотренных в предыдущих работах, могли быть сохранены в языке и после миграции на север, поскольку семена растений и сельскохозяйственный инвентарь переселенцы могли и должны были взять с собой, чтобы обеспечить себе пропитание на новом месте, чего нельзя сказать о больших судах и южных рыбах.

Следы праславянской лексики в лексиконе народов Восточного Средиземноморья

Вспомним, что о лингвистической прародине вообще могут говорить не только следы прежних мест обитания в лексике исследуемого этноса, но и не в меньшей степени, если не в большей – *следы заимствований из лексикона этого этноса в языки этносов, сменивших исследуемый на территории его более раннего обитания*. Так, например, в прибалтийско-финской лексике обнаруживаются названия балтийских рыб (сёмги и угря) [10, с. 198], заимствованные из балтских языков. Эти заимствования говорят о том, что финны потеснили балтов у Балтийского моря (а не наоборот), восприняв от балтов названия не знакомых им рыб.

В поиске зоны формирования праславянского языка, повторим, нам поможет не столько ландшафтная лексика славян (которая, как мы видели, «загоняет» праславян в болота Восточной Европы), сколько термины с неясной этимологией в языках народов, ныне обитающих в этой зоне, которые могли бы быть этимологизированы как заимствования из языка праславянских предшественников.

Нахождение таких терминов позволило бы считать праславян более древними насельниками этой таинственной пока зоны, а ныне живущие на ней этносы – пришельцами из других областей, воспринявшими часть культуры древних славян. Эти термины неизбежно оказываются забытыми, если соответствующих явлений не находится на новых местах обитания. Но при более поздних контактах с новым населением покинутых праславянами мест часть этих терминов могли вернуться к этносу-источнику по цепочке заимствований, искажённые чуждой фонетикой.

Такowymi оказались, как бы это странно ни показалось:

- названия африканских эндемиков: *жираф* и *зебра*, возможно, и *бегемот*; – сюда же *страус*, который хотя и не является африканским эндемиком, но на более северных территориях не встречается [18];
- названия средиземноморских рыб: *тунец*, *макрель*, *скорпена*, *акула* [20];
- средиземноморские и балканские топонимы и гидронимы: *Лесбос*, *Кипр*, *Ядран* 'Адриатическое море', *Рено*, *Триест*, *Болонья* и др. [16]

Все эти названия официально имеют неясную конечную этимологию, но при тщательном рассмотрении оказываются лексемами со славянской этимологией, искажёнными в циклах заимствований. Желая возразить по поводу африканских зверей можно добавить, что в русском языке также сохранились названия африканских животных, которые известны и к северу от Африки: верблюда, обезьяны, попугая, слона, возможно, и льва [18]. И только воспоминания об эндемиках с течением времени в языке-источнике стёрлись, и их названия пришлось переименовать из языков-приёмников.

Связь славянской прародины с прародиной балтов

Балто-фракийские связи

Поскольку предки балтов были соседями предков славян, то следует ожидать не только связей праславянской лексики с лексикой языков юга Европы, но также и связей прабалтской лексики с лексикой южных соседей предков балтов.

О. Н. Трубачёв отмечал связь балтийской ономастики с древней ономастикой Балкан. Он предложил для сравнения гидронимы фрак. *Serme* – литов. *Sermas*, имена фрак. *Kerses* – др.-прусс. *Kerse*; фрак. *Edessa*, название города, – балт. *Bedoca*, верхнеднепровский гидроним, фрак. *Zaldapa* – литов. *Zeltupe* и др., фрак. *Prousa*, название города в Вифинии – балт. *Prus-*, этноним, *Kaunos*, город в Кари, – литов. *Kaunas*, *Priene*, город в Кари, – литов. *Prienai*. Эти соответствия если и не доказывают близкородственных связей фракийского и балтского языков, то являются признаком контактов балтийских и фракийских племен в III тыс. до н. э. [31, 22 – 24].

Сюда же следует добавить коллекцию сравнений Ивана Дуриданова в монографии «Ezikyť na trakite» (Ivan Duridanov, Nauka i izkustvo, Sofia, 1976), а также балтскую этимологию топонимов: др.-греч. *Θράκη*, лат. *Thracia*, болг. *Тракия* 'Фракия' (ср. лит. *trakai* 'просека, прогалина', как и г. *Trakai*), др.-греч. *Σπάρτη*, лат. *Sparta* 'Спарта' (ср. др.-прусс. *spartis* 'сила', *sparts* 'сильный', лтш. *spars* 'сила') и др.-греч. *Ἰστρος* 'Истр (Дунай в нижнем течении)' (ИЕ основа, применявшаяся для называния рек лишь в ареале балтов). Интересна также история названий г. Болонья – об этом в следующем подразделе.

Кроме того, прабалтские основы **kal-*, **kau-* угадываются и в др.-греч. лексике. С лексемой *χαλκός* связаны многие древнегреческие названия медных и бронзовых предметов, напр. *χαλκεῖος* 'медный или бронзовый', также 'кузнечный', *χαλκεῖον* 'медный сосуд', также 'кузница', *χαλκεύς* 'медник', также 'железных дел мастер, кузнец', название кузнечного ремесла *χαλκεία* (см. выше о связи значений 'медь' и 'кузнец' в герм.) и *χάλυψ* 'сталь' (о связи *χαλκός* и *χάλυψ* см. у В. В. Иванова, который, однако, производит оба названия из хаттск. **hafliki* [7, с. 98] > *hapalki*).

Это терминологическое «безразличие» к характеру обрабатываемого материала позволяет говорить, вопреки В. В. Иванову, о смысловом акценте на возможности обработки ударами, а не на материале. Поэтому актуально сравнение *χαλκός* / *καυχός* 'медь'

(и *χαλψ* 'сталь') с лит. *kalti / kauti* 'бить, ковать', которое даёт возможность предположить древнее соседство предков балтов и древних греков. Сюда же др.-греч. *χαλις* 'битый (колотый) камень, щебень' с неизвестным происхождением, но, очевидно, не связанным с медью. Все эти лексемы различаются между собой только расширениями основы *χαλ-* (*кав-*) < балт. **kal-/ *kau-*. Приоритет балтских форм очевиден, в связи с явно большей древностью понятия 'бить', нежели названий металлов и битого камня [17].

Интересно, что О. Н. Трубачёв отмечает отсутствие славян в балто-фракийских контактах. Это отсутствие вполне объяснимо, если принять точку зрения о фракийской природе балтов: оборот "балто-фракийские контакты" в этом случае оказывается тавтологией, а сами контакты – внутренним делом балтов.

Славяно-иллирийские связи

Западными соседями фракийцев во II тыс. до н. э. были иллирийцы. Допуская родство фракийцев и прабалтов, мы вправе ожидать каких-то связей между праславянами и иллирийцами. Не рискуя напрямую связать иллирийцев с этногенезом праславян, О. Н. Трубачёв всё же говорит об иллирийско-славянских отношениях, которыми он объясняет соответствия между собственными именами: *Doksy*, местное название в Чехии, ср. *Daksa*, остров в Адриатическом море, и глоссу *daksa thalassa*. *'Epeirotai* (Гесихий), *Дукля*, перевал в Карпатах, ср. *Дукля* в Черногории, *Doklea* (Птолемей), наконец, *Licicaviki*, название, приписываемое славянскому племени, но объяснимое только как иллир. **Liccavici*, ср. иллирийские личные имена *Liccavus*, *Liccavius* и местное название *Lika* в Югославии [31, с. 26].

Интерес представляют и топонимы Северо-Восточной Италии Болонья и Рено. Город *Bologna* 'Болонья', расположенный на севере Италии, этрусками назывался *FELIŋA* (*velzna*) [47, поиск: *Felsina*]. Сравнивая этруское название *Velzna* с лтш. *velgs* 'влажный, влажность', получаем вероятную балтскую семантику названия города: 'Влажный'. Балтская этимология этруского названия оказывается семантически правдоподобной, поскольку город *Bologna*, расположенный между долинами рек Рено и Савена, всегда заливался весенними паводками. Название *Bologna* естественно объяснимо с помощью др.-рус. *болонье* 'поемный луг, низина'.

Сюда же органично вписывается этимология *Reno* < др.-рус. *рѣнь* 'отмель'. Река *Reno* лишь с недавнего времени судоходна, причём только в низовьях, в большей же части её мелкое русло идёт по болотам Паданской долины, отсюда и смысл названия.

Балто-славяно-иранские связи по А. И. Соболевскому

Крупнейший историк русского языка начала XX в. А. И. Соболевский также считал, что в древности предки славян и балтов составляли единую общность. При этом он предположил, что южная часть этой общности (протославяне) к концу прошлой эры

полностью смешалась со скифским населением. В результате скрещения появилась новая этническая единица – славяне.

В основе гипотезы А. И. Соболевского лежит фонетическое явление, охватившее древний общеславянский язык (изменение индоевропейского согласного *s* в *ch*). Следы скифов исследователь отыскивает в славянской и русской лексике, топонимике и этнографии. Итогом его построений было заключение, что общеславянский язык представляет собой соединение двух языков. Один из них (язык *C*) близок к балтийскому и составлял с ним некогда единое целое, второй (язык *X*) принадлежал к иранской ветви, составляя одно из наречий скифского языка [13, с. 41].

Промежуточные выводы

Исследования связей балтийских и славянских языков с фракийским, иллирийским и иранскими языками не противоречат идее О. Н. Трубачёва о консолидации языков, в данном случае, в области Западного Причерноморья. Эта консолидация привела к образованию прабалтославянского языкового союза, праславянский компонент которого позже сблизился с иранскими и приобрёл форму, близкую к общеславянскому языку по А. И. Соболевскому.

Северно-европейские заимствования в праславянский язык

Подобно тому как финны заимствовали названия некоторых балтийских рыб у балтов, славяне заимствовали названия северных рыб, не знакомых им, из финно-угорских языков. Д. Н. Шмелев приводит значительный перечень заимствованных названий рыб по письменным источникам [38, стр. 192 - 194], в частности: *камбала* (1697, ср. фин. *kampala*, якутск. *kāmbala*, саам. кильд. *kāmbel*), *кореха* 'корюшка' (1673, ср. карельск., олонек. *kuoreh*, вепс. *ko'reh*, фин. *kuore*), *кумжа* (1568, ср. фин. *kumsi*, карельск. **kumži* саам. п. *kuūdža*, кильд. *kuūdtša*), *налтус*, *налтас*, *налтос* (1584, ср. фин. *pallas*, род. п. *paltaan* 'камбала (речная)', саам. к. *pāldes*, род. п. *pāltazi* 'вид камбалы'), *пехолка* 'судак' (1626, ср. фин. *pehuli* 'вид лосося'), *ряпукса*, *ряпукс* (1609), *ряпуга*, *ряпуха* (1637), *ряпушка* (1648, ср. вепс. *rāpus*, фин. *rääpys*, род. *rääpyksen*, эст. *rääbis*, *rääbus*), *морна* 'лосось' (1563, ср. фин. *torppi*, род. п. *torpin* 'форель'), *харьюс* (1588, ср. вепс. *hard'uz*, *harjus*, карельск. *harjuš*, фин. *harju*, *harjus*, род. п. *harjuksen* 'хариус'), *макса* 'рыбья печень; молоки' (1666–1667, ср. фин. *maksa* 'печень', эст. *maks*), *морж* (1652, саам. тер. *morša*, н. *morššā*). Примеры для сравнения – из [34].

Финно-угорские заимствования названий северных рыб в славянские языки свидетельствуют о том, что славяне оказались на севере Европы позже финно-угров.

Отметим, что среди северно-европейских заимствований подобной лексики в славянские языки нет достоверных заимствований из германских. А в шведском языке (единственном из скандинавских) одно из названий болота – *träsk* – заимствовано из др.-рус., ср. шв. *träsk* и др.-рус. *трясъкъ* 'трясый, зыбкий', рус. *трясина*.

Славяно-германские контакты

Теперь уместно вернуться к проблеме малозаметности следов германо-славянских контактов, которые должны были бы остаться в славянских языках при длительном совместном проживании предков славян и предков германцев на севере Центральной Европы (в Висло-Одерской фазе славянских миграций, если она, действительно, началась во втором тысячелетии до н.э.).

Мы помним о культурных связях Ясторфской, Поморской, Пшеворской, Вельбаркской и Заруби-нецкой археологических культур (включая, напомним, обряд кремации), которая якобы не оставляла место славянам в Центральной Европе, в связи с априорно принятой германской атрибуцией Ясторфской и Вельбаркской культур. Если же допустить, что германцы не являются автохтонами Европы, а пришли в неё в потоке сарматской экспансии, то лексикологические возражения против длительного проживания славян на севере Центральной Европы отпадут. По той причине, что, в связи с поздним появлением германцев на севере Европы, контактов у славян с германцами вплоть до конца прошлой эры на территории Висло-Одерской прародины быть не могло.

Указаниями на столь позднее появление германцев в Центральной Европе являются:

- последовательное продвижение свебов с юга Европы на север, судя по упоминаниям о контактах с ними у Цезаря, Страбона и Тацита (особо отметим культ египетской Изиды у свебов, отмеченный Тацитом [46, гл. 9]);
- сарматские тамги на копьях германской военной аристократии, которые естественно объясняются сарматским происхождением германцев, о котором писал ещё Прокопий Кесарийский в "Войне с вандалами" [12, глава II (2)];
- постепенное вытеснение в начале нашей эры на севере Европы ритуала кремации, свойственного славянам, ритуалом ингумации, свойственного южным степным народам;
- дублирование южных этнонимов на ныне германской территории: малоазиатские кавконы – германские хавки, малоазиатские хатты – хатты земли Гессен, саки Сакасны (Закавказье) и саксы Саксонии и др. [24];
- наконец, следы двенадцатеричной системы счёта у германцев, характерной для древнего Междуречья, присутствующие также у персов [27].

О позднем приходе предков германцев в Европу, возможно, говорят и германские названия лошади. Из ИЕ языков Европы только в германских нет названий, происходящих от ПИЕ **kab-* 'лошадь' [15] (ср. др.-греч. *καβάλλης*, кимр. *ceffyl*, лат. *caballus*, лит. *kumelė*, рус. *кобыла*).

Более того, только в герм. есть нидерл. *paard* и нем. *Pferd* 'лошадь', которые производят от позднелат. *paraveredus* 'запасная лошадь' [42] из греч. *para* + *veredus*, от др.-евр. *pered* 'мул' [1]. Можно предположить, что нидерл. *paard* и нем. *Pferd* связаны с семит. (аккад. *perdum* 'мул' [8, с. 202], др.-евр. *pārā* 'дикий осёл' [9, с. 317] и др.-евр. *pered* 'мул') напрямую,

а при посредстве лат. *palafredus* / *paraveredus* произошли англ. *palfrey* и д.-в.-н. *pfarifrid*.

Более подробное обоснование южной прародины германцев – это тема отдельной книги, некоторые аспекты, в первом приближении, изложены в [25].

Соответствие восточносредиземноморской прародины славян критериям миграций

Выше я постарался показать, что протославянская лексика металлургии, мореплавания и сельского хозяйства складывалась в процессе кооперации протославянских и протобалтских племён в Восточном Средиземноморье.

В Скандинавии же бронзовый век начался очень поздно, если сравнивать с Ближним Востоком, Северной Африкой и Восточным Средиземноморьем (цивилизация Крита): большинство исследователей датируют наступление бронзового века на севере Европы началом II тыс. до н. э. С некоторого времени там начинают доминировать восточносредиземноморские влияния. Они явственно проявляются в господстве орнамента бегущей спирали на скандинавской бронзе этого времени. Типы вещей остаются специфически скандинавскими, не похожими на синхронные критские или микенские, но при этом качество оружия, например, было существенно выше в Скандинавии [4, с. 79, 97].

Это явно свидетельствует против импорта бронзовых изделий с юга в Скандинавию, речь надо вести о перемещении самих мастеров бронзы, а не о её импорте. Это значит, что мы имеем наличие праславян в районе их происхождения (Балканы и Восточное Средиземноморье), более позднее наличие этого же этноса на новой территории (центр и север Европы), имеем точки соприкосновения между этими территориями и соответствие между чертами культур (в части металлургии) на новом месте и на исконной территории. Это соответствует территориальному, хронологическому, и, в значительной мере, лексальному критериям миграции, что позволяет считать миграцию праславян с юга на север Европы во втором тысячелетии до н. э. вполне вероятной.

У германцев же, если верить Тациту, и в I в. н. э. редко у кого были мечи и панцири [46, гл. 6], за исключением ругиев, "покорных царям" [там же, гл. 44], принадлежность которых германцам спорна, если вспомнить русскую княгиню Ольгу, "королеву ругов" (*regina Rugorum*). Кроме того, названия бронзы у германцев и кельтов заимствованы. То есть не германцы и не кельты привезли бронзу на север Европы.

Бронзовые доспехи применялись на юге Европы уже в 16 в. до н. э. во времена Крито-Микенской культуры за несколько веков до Троянской войны [39], а бронзовый век на севере Европы (скандинавский бронзовый век) начался примерно в 17 в. до н. э. Это позволяет предположить время начала переселения предков славян к Висло-Одерской прародине Европы.

В пользу миграции праславян на север Европы с Балкан говорят и переносы топонимов: *Bologna* (*Bulāggna*) > *Boulogne* (-sur-mer), *Reno* > *Pñnos* (ан-

тичное название Рейна). Булонь заливается приливами, подобно Боломье, заливаемой паводками, Рейн, подобно Рено, – равнинная мелководная река, так что семантических возражений быть не должно. Наконец, есть несколько менее впечатляющая общность названий *Терресте* 'Триест (букв. торжище)' (Адриатика, север Италии, сейчас *Trieste*) и *Торжок* (Тверская обл.). Об этом и об ассимиляции в лат. варианте *Bononia* см. подробнее в [16].

Одной из причин начала миграций праславян с островов Эгейского моря и побережий Средиземного моря на север мог послужить взрыв вулкана на о. Санторин (17 в. до н.э.), приведший к гибели Минойской цивилизации на Крите и совпавший по времени с началом скандинавского бронзового века.

ВЫВОДЫ

Исследование лингвистического этногенеза славян показало, что язык праславян формировался на территории, где они:

- добывали из руд медь, железо, олово, свинец и серебро, при этом горнорудная терминология, терминология кузнечного дела и металлургии у славян исконная;
- сформировали исконную сельскохозяйственную лексику, выращивали сельскохозяйственные культуры Восточного Средиземноморья и Передней Азии, имея для них исконные названия;
- имели обширные торговые связи, в том числе, и по морям;
- наконец, называли эндемиков Африки и средиземноморскую фауну и флору: эти названия были заимствованы в языки вновь прибывавших этносов, а позже многие забытые названия были переаимствованы обратно в славянские языки...

Связи праславянского и прабалтского языков друг с другом, но при этом и с палеобалканскими языками, и древнегреческим языком, и языками

иранской группы, говорят о генезисе обоих языков на юго-востоке Европы, вероятнее всего, в Восточном Средиземноморье.

Преемственность скандинавского бронзового века по отношению к производству бронзовых изделий на Кипре, говорит о миграции населения из Восточного Средиземноморья, включая мастеров бронзового дела, в первой половине II тысячелетия до н.э. Поскольку славянские названия металлов, включая бронзу, имеют, в большинстве случаев морфологически, семантически и фонетически прозрачные этимологии, а прочие народы, за исключением предков литовцев, название бронзы получили по цепочке заимствований от славян, то мы вправе говорить, что в распространение бронзы на север, вплоть до Скандинавии, было вовлечено праславянское население.

Отсутствие в языке славян следов длительного проживания рядом или совместно с германцами объясняется поздним приходом германцев в Центральную и Северную Европу. Это снимает возражения против Висло-Одерской "промежуточной прародины" славян. Промежуточность же этой и Восточно-Европейской прародин следует из отсутствия в славянских языках исконных названий обитателей северных морей (рыб, моржа и др.).

Таким образом, по совокупности рассмотренных признаков мы вправе полагать вполне обоснованной средиземноморскую локализацию прародин славян – область, где в процессе кооперации протославянских племён начал формироваться праславянский язык. Эту прародину, в силу каких-то внешних причин (под давлением переселенцев с востока, в страхе перед катаклизмами типа взрыва Санторина или ещё какой-нибудь причины), праславянам пришлось оставить и мигрировать к северу Европы, то есть к новым прародинам: Висло-Одерской и Восточно-Европейской.

Список литературы:

1. Большой латинско-русский словарь. / [Электронный ресурс]. – URL: <http://linguaeterna.com/vocabula/list.php?letter=G> (дата обращения 27.01.2020).
2. Виноградов В. В., Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского языка // В сб. «В.В. Виноградов. Избранные труды. История русского литературного языка». – М.: Наука, 1978. – С. 65–151.
3. Галле И. С., Открытия тайны древних магов и чародеев, или, Волшебные силы природы в пользу и увеселение употребленных. Перевод «Изданием Христофора Клаудия», часть 1, 1798. – 524 с.
4. Губанов И.Б., Скандинавская бронза из коллекции МАЭ РАН и историко-культурное значение скандинавского бронзового века. // Европейское культурное пространство в коллекциях МАЭ / Отв. ред. А.А. Новик; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С. 79 – 99.
5. Даль В. И., Толковый словарь живого великорусского языка. Часть 2. И-О. – М., СПб: Издание Общества любителей российской словесности, 1865. – С. 639 – 1351.
6. Дворецкий И. Х., Древнегреческо-русский словарь, тт. 1, 2. М.: Гос. изд. иностранных и национальных словарей, 1958. – 1910 с.
7. Иванов В. В., История славянских и балканских названий металлов. М.: Наука, 1983. – 197 с.
8. Коган Л. Е., Лёзов С. В., Аккадский язык. В сб. Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова. М.: Academia, 2009. – С. 113 – 177 с.
9. Коган Л. Е., Лёзов С. В., Древнееврейский язык. В сб. Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова. М.: Academia, 2009. – С. 296 – 374.

10. Напольских В. В., Предыстория народов уральской языковой семьи // История татар с древнейших времён в семи томах. Т.1. Народы степной Евразии в древности. Ред. С. Г. Кляшторный. Казань, 2002. – С. 195 – 203.
11. Откупщиков Ю. В., Балто-славянская ремесленная лексика (названия металлов, металлургия, кузнечное дело) // В сб. «Славяне: этногенез и этническая история» / Под ред. А.С. Герда и Г.С. Лебедева. – Л.: Изд. ЛГУ, 1989. – С. 44-52.
12. Прокопий Кесарийский, Война с вандалами. / [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prokop/framevand11.htm> (дата обращения: 31.01.2020).
13. Седов В. В., Очерки по археологии славян. М.: ИА РАН, 1994. – 128 с.
14. Седов В. В., Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 624 с.
15. Старостин С. А., Indo-European etymology. © 1998–2003. / [Электронный ресурс]. – URL: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/query.cgi?basename=\data\ie\piet&root=config&morpho=0> (дата обращения: 29.01.2020).
16. Тележко Г. М., Анализ названий золота в языках разных этносов // Universum: Филология и искусствование : электрон. научн. журн. 2018. № 4(50). / [Электронный ресурс]. – URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5757> (дата обращения: 29.01.2020).
17. Тележко Г. М., Анализ названий меди в языках разных этносов // Universum: Филология и искусствование : электрон. научн. журн. 2018. № 2(48). / [Электронный ресурс]. – URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5508> (дата обращения: 29.01.2020).
18. Тележко Г. М., К этимологии названий некоторых представителей африканской фауны // Universum: Филология и искусствование : электрон. научн. журн. 2017. № 9(43). / [Электронный ресурс]. – URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5132> (дата обращения: 29.01.2020).
19. Тележко Г. М., Критика «аргумента деревьев» в проблеме локализации прародины славян // Universum: Филология и искусствование : электрон. научн. журн. 2018. № 1(47). / [Электронный ресурс]. – URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5436> (дата обращения: 29.01.2020).
20. Тележко Г. М., Критика аргумента «морских рыб» в проблеме локализации прародины славян // Universum: Филология и искусствование : электрон. научн. журн. 2018. № 1(47). / [Электронный ресурс]. – URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5422> (дата обращения: 29.01.2020).
21. Тележко Г. М., Критика аргумента «морской лексики» в проблеме локализации прародины славян // Universum: Филология и искусствование : электрон. научн. журн. 2017. № 12(46). / [Электронный ресурс]. – URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5384> (дата обращения: 29.01.2020).
22. Тележко Г. М., Критический анализ некоторых предполагаемых источников славянской сельскохозяйственной лексики // Universum: Филология и искусствование : электрон. научн. журн. 2018. № 1(47). / [Электронный ресурс]. – URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5445> (дата обращения: 29.01.2020).
23. Тележко Г. М., О дивергенции праиндоевропейских слоговых носовых согласных в индоевропейских языках // Universum: Филология и искусствование. 2017. № 1 (35). / [Электронный ресурс]. – URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/4178> (дата обращения: 29.01.2020).
24. Тележко Г. М., Поиски прагерманцев – круг сужается. / [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.proza.ru/2012/03/04/38> (дата обращения: 31.01.2020).
25. Тележко Г. М., Следы прагерманских миграций / [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.neizvestniy-geny.ru/cat/literature/istor/825020.html> (дата обращения 31.01.2020).
26. Тележко Г. М., Сочетания плавных согласных с гласными в корнях слов языков индоевропейской семьи // Universum: Филология и искусствование : электрон. научн. журн. 2017. № 1(35). / [Электронный ресурс]. – URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/4076> (дата обращения: 29.01.2020).
27. Тележко Г. М., Счёт у готов и славян – маленькая странность / [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.proza.ru/2012/07/03/40> (дата обращения: 31.01.2020).
28. Тележко Г. М., Этимология ряда лексем средиземноморья, заимствованных в русский язык // Universum: Филология и искусствование : электрон. научн. журн. 2018. № 6(52). / [Электронный ресурс]. – URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/6025> (дата обращения: 29.01.2020).
29. Трубачёв О. Н., Серебро, Indoarica в Северном Причерноморье. – М.: Наука, 1999. – С. 76-82.
30. Трубачёв О. Н., Труды по этимологии. Слово. История. Культура, Том 3, М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. – 800 с.
31. Трубачёв О. Н., Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М.: Наука, 2003. – 489 с.
32. Трубачев О. Н., Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики (I) // Вопросы языкознания, М., 1982, № 4. – С. 10 – 26.

33. Трубачев О. Н., Языкознание и этногенез славян (VI) // Вопросы языкознания, М., 1985, № 5. – С. 3-14.
34. Фасмер М. В., Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и дополнения чл.-корр. АН СССР О.Н. Трубачева. Под ред. и с предисловием проф. Б. А. Ларина. Изд. второе, стереотипное. В четырех томах. М.: Прогресс, 1986. Тома I–IV. / [Электронный ресурс]. – URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer> (дата обращения: 29.01.2020).
35. Филин Ф. П., Образование языка восточных славян. М., Л.: Изд. АН СССР, 1962. – 296 с.
36. Хенниг Р., Неведомые земли, т. 1. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. - 524 с.
37. Шапошников А. К., Нестинарски игри – опыт семиотического описания. Académie Bulgare des scienceslinguistique Balkanique XLIX, 2010, № 1-2, С. 143 – 149.
38. Шмелев Д. Н., Заимствования из прибалтийскофинских языков в старорусских памятниках письменности. // Вопросы славянского языкознания, № 5, 1961, с. 191 – 199.
39. Шпаковский В., Доспехи Троянской войны (часть вторая). [Электронный ресурс]. – URL: <https://topwar.ru/83055-dospehi-troyanskoj-voyny-chast-vtoraya.html> (дата обращения: 29.01.2020).
40. Щукин М. Б., Рождение славян. Из истории вопроса. Два пути ретроспективного поиска. В кн.: Стратум. Структуры и катастрофы. СПб.: Нестор, 1997. – С. 110 – 147.
41. Gołąb Z., The origins of the Slavs: a linguist's view. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1991. – 439 с.
42. Harper D., Online Etymology Dictionary. / [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 29.01.2020).
43. Mańczak W., The original homeland of the Slavs // Studia Mythologica Slavica, 2009, №12. С. 135 – 145.
44. Pronk-Tiethoff S., The Germanic loanwords in Proto-Slavic. Editions Rodopi B.V., Amsterdam - New York, NY 2013. – 316 с.
45. Schenker A. M., The dawn of Slavic: an introduction to Slavic philology, New Haven-London: Yale University Press, 1995. – 346 с.
46. Tacitus P. C., De Origine Et Sitv Germanorum. / [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.thelatinlibrary.com/tacitus/tac.ger.shtml> (дата обращения: 27.01.2020).
47. Wiktionary. / [Электронный ресурс]. – URL: <https://en.wiktionary.org> (дата обращения: 29.01.2020).

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ)

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ЭПОСЕ «ҚЫЗ ПАЛҰАН» (УСЛОВНЫЙ ПЕРЕВОД «МОГУЧАЯ ДЕВА»)

Кобланова Жибек Кайратовна

студент, Каракалпакский государственный университет,
Республика Узбекистан, г. Нукус

Алламбергенова Гүлжахан Айтбаевна

кандидат наук, Каракалпакский государственный университет,
Республика Узбекистан, г. Нукус

FEATURES OF USE OF PHRASEOLOGISMS IN EPOS «QIZ PALWAN» (CONDITIONAL TRANSLATION «THE MIGHTY MAIDEN»)

Jibek Koblanova

student of Karakalpak state university named after Berdakh,
Republic of Uzbekistan, Nukus

Guljahan Allamberganova

PhD of Karakalpak state university named after Berdakh,
Republic of Uzbekistan, Nukus

АННОТАЦИЯ

Данная статья рассматривает особенности фразеологизмов, употребленных в эпосе «Қыз палұан». Статья учитывает соматические фразеологизмы, синонимию и явления энантиосемии. Фразеологизмы малым количеством слов передают объемный смысл и эффективно употребляются, в частности, в произведениях устного народного творчества.

ABSTRACT

This article discusses the peculiarities of phraseological units used in the epic «Qiz Palwan». The article takes into account somantic phraseological units, synonymy and phenomena of enantiosema. Phraseologisms with a small number of words convey a three-dimensional meaning and are effectively used, in particular, in works of folklore.

Ключевые слова: фразеологизм, семантика, синонимия, энантиосемия, лингвофольклористика, сомантика.

Keywords: phraseological unit, semantics, synonymy, enantiosema, linguistic folkloristics, somantics.

Каракалпакский язык с давних пор считается языком, обогащающимся на основе произведений устного народного творчества, так как разговорный язык народа упростился в устных литературных произведениях и намного расширил способ художественного употребления слов. Разговорный язык народа, переделываясь, начал соответствовать определенным нормам. Появление литературного языка в разговорной народной речи привело к пополнению лексики нашего языка. Сказители, поэты, баксы и рассказчики явились теми, кто творил и, работая над художественным словом, передавал это народу с сильным эмоциональным влиянием. В развитии

языка очень важно значение произведений фольклора. Изучение национального наследия, которое сохраняется испокон веков, является главной целью лингвофольклористики. К проблеме языка произведений устного народного творчества посвящена кандидатская диссертация Ш. Абдиназимова «Лексический состав эпоса “Сорок девушек”», где говорится о лексическом составе языка эпосов, об этимологии и значении некоторых слов, употребленных в эпосах [1]. А также можно отметить кандидатскую диссертацию А. Абдиева, посвященную лексическим и стилистическим особенностям языка эпоса «Алпамыс».

Кроме того, статьи Г. Айназаровой [5, с. 36], Ш. Кунназаровой [2, с. 42], Г. Садыковой [там же, с. 75] посвящены изучению фольклорных фразеологизмов.

Мы тоже, в свою очередь, остановимся в своей статье на особенностях употребления фразеологизмов в эпосе «Кыз палұан». Данный эпос приведен в 16–26 томах каракалпакского фольклора. Несмотря на то что в нем употреблены обычные устойчивые сочетания слов из народной речи, можем наблюдать, что лексические единицы, которые необходимо изучать с лингвопоэтического аспекта, составляют множество.

По сути, фразеологизмы — это лексические единицы с повышенной образностью и состоящие из неотделяемых сочетаний слов. По сравнению с простыми устойчивые сочетания слов произносятся гораздо сильнее и трогательнее. Если отдельные слова имеют конкретные значения, то фразеологизмы усложняют эти частные значения, придавая им добавочную эмоционально-экспрессивную окраску.

Эпос «Кыз палұан» с литературной точки зрения считается эпосом, посвященным теме женщин и воспеванию храбрости. Здесь изображены равноправие женщин, их храбрость и отвага, а также дружба народов. Фразеологизмы, употребленные в данном эпосе, выделяются своей простотой, потому что известные нам фразеологизмы появились сначала в народной разговорной речи, а затем, в связи с развитием различных областей жизни и посредством поэтов и писателей, становились многообразнее.

Во всех приведенных выше примерах описывается внутреннее эмоциональное состояние человека. То есть описывается прямое отношение субъекта к явлениям, таким как радость и удовлетворение. В качестве синонимов к ним можно привести фразеологизмы «куўанышы қойнына сыймаў», «малақайын аспанға атыў», «кеўли дәрйадай тасыў». Большую часть синонимов в нашем языке составляют синонимы, образованные от фразеологических сочетаний слов. По сравнению с простыми остро чувствуется отличие таких синонимов. Они эффективно употребляются в художественных произведениях, фольклоре, оживляя высказываемую мысль с целью повысить уровень проникновенности художественного текста.

Наряду с этим встречаются также антонимические фразеологизмы. «Кеўли толмаў», «кеўли қалыў», «кеўли қабарыў» — употребляются в значении «обидеться, разочароваться». Например: Айтқан зары тыңланбай, ағасынан *кеўли қалды* [3, с. 407].

Соматические фразеологизмы раскрывают различные психические состояния человека. В их ряду фразеологизмы с доминирующими словами, как «көз» — «глаз», «ауыз» — «уста», «бас» — «голова», «қулақ» — «ухо», «жүрек» — «сердце», «тил» — «язык», употреблены в данном эпосе очень часто. Так как глаза являются слабой точкой человека, обозначаемая этим словом сема также будет напрямую связана с анатомическими функциями глаз. Например: Қайғы-ғамды таслады, Ерсиз *көзин жаслады* [3, с. 293]; *Көзи оттай жаналды*, ағайынлы екеўи, күш сынасып батырлар [там же, с. 403].

Кроме этого, в данном эпосе употреблены фразеологизмы, обозначающие действие и различные чувства, такие как «жүрегі жарылыў» в значении «испугаться»; «жүрек жалғаў» в значении «прикусить»; «бет алыў» в значении «идти»; «қулақ салмаў» в значении «не прислушаться»; «жағасына қол салыў» в значении «драться»; «мойнын созыў» в значении «надеяться»; «аўзына ақ тиймеў» в значении «жить в нищете»; «бас косыў» в значении «объединить, собрать». Например: Қызың қоллады урығарды, Айбаты *жүрегимди жарды* [3, с. 213]; Қыз кийиктиң сүтин емип *жүрегін жалғады* [там же, с. 293]. Тәуекел етип ат шаўып, арқаға қарай *бет алды* [там же, с. 413]. Кеўил бөлип атам деп, Бир қулағын салмады [там же, с. 417]. Темирханға қосылып, *Жағасына қол салды* [там же, с. 303]. Қадирданның қара аты, Куўдай *мойнын созады* [там же, с. 278]. *Аўзына ақ тиймеген*, жетимнің басын курады [там же, с. 402]. Айналы жәхән бағына, аш-арықтың *басын қосты* [там же, с. 405].

Велика заслуга фразеологизмов в изложении определенной мысли, а именно в передаче описания его художественным языком. Под отношением фразеологических сочетаний слов к частям речи мы имеем в виду их начальную форму и их употребление в этой форме. Фразеологизмы в каракалпакском языке по отношению к частям речи делятся на 4 группы: фразеологические сочетания слов с глагольным значением, со значением существительного [субстантивные], со значением прилагательного [адъективные] и со значением наречия [4, с. 133].

Большую часть среди фразеологизмов, употребленных в эпосе, составляют фразеологизмы с глагольным значением. Например: Ағам қайда болса да бир патшаға *тәңир аманатын тапсырған* екен [1, с. 293]; Ашылған таза гүлдің солғаны, жалғаншыда *пайманаңның толғаны* [там же, с. 266]; Нашардан жолыңды бөлек салғайсан, қатарыңнан *арқаң жерге тиймесін* [там же, с. 404]; Гүресіўден таймады, ерлигинің белгиси, өлсе де *сөзин шаймады* [там же, с. 403]; Лақабын сорасаң Қыз Палұан, дабылына *жер тиксинди* [там же, с. 404].

Часто употреблены трехкомпонентные фразеологизмы с глагольным значением, как в первом и втором примерах: «тәңир аманатын тапсырыў», «пайманасы толыў» в значении «умирать, завершить свой жизненный путь», «арқасы жерге тиймеў» в значении «не сдаваться», «сөзин шаймаў» в значении «соглашаться», «жер тиксиниў» в значении «страшиться, бояться». Фразеологизмы с глагольным значением обычно имеют форму существительное + существительное + глагол (тәңир аманатын тапсырыў, арқасы жерге тиймеў) или существительное + глагол (пайманасы толыў, сөзин шаймаў, жер тиксиниў).

Обобщив, можно сказать, что фразеологические сочетания слов в эпосе в большинстве случаев употреблены без изменений, как они сформированы в разговорной народной речи. В наше развитое время изучение таких языковых единиц с точки зрения лингвофольклористики рассматривается как главная задача современного языкознания.

Список литературы:

1. Абдиназимов Ш. Қырк қыз дәстанының лексикалық қурамы : дис. ... канд. наук. — Нөкис, 1992.
2. Қарақалпақ тили фразеологиясының актуаль мәселелери. — Нөкис: Қарақалпақстан, 2011.
3. Каракалпакский фольклор. — Нукус : Илим, 2015. — Т. 14–26.
4. Бердимуратов Е. Хәзирги қарақалпақ тили. Лексикология. — Нөкис, 1994. — С. 133.
5. Әмиўдәрйя. — 1998. — № 1–2. — С. 36.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научный журнал

**UNIVERSUM:
ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ**

№ 3(71)
Март 2020

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 54436 от 17.06.2013

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, улица Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: mail@7universum.com
www.7universum.com

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3
16+